

Нина Калева-Прохоренко

**РАССКАЗЫ
МОЕЙ МАМЫ**

**Москва
2019**

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

К 17

Нина Калева-Прохоренко. Рассказы моей мамы.:
М.: Издательство Перо, 2019. – 116 с.

ISBN 978-5-00150-615-7

Сегодня много говорят об угрозе утраты смысла жизни. С такими настроениями автор настоящих рассказов согласиться не может. Напротив, знакомясь с пережитым нашим народом во время Великой Отечественной Войны, понимаешь всё величие и силу его духа. Смысл жизни людей в любви к своим детям, родителям и своей великой России!

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

© Н. Калева-Прохоренко, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Причастность.....	7
Мама – дитя войны	9
1941-1943 годы	15
Жизнь мамы до войны.....	15
Серая пыль дорог	17
Беляковской породы мы.....	17
Серая пыль.....	19
Оккупация Алешенки.....	22
Яблочко войны	24
Покаяние.....	27
Бом-Бом	32
Изувер	36
Девочки-мадамочки	43
Мытарства	44
Сентябрь 1943 года.....	44
Наш конь.....	47
Побег во рвы.....	49
В деревне Исаевка.....	51
Побег из Телеговки.....	53

В лесу	56
Дорога домой.....	58
Победители.....	60
1944-1945 годы	63
Чудесное спасение	63
Соль земли.....	67
Начальная школа моей мамы.....	75
Спасительная картошка.....	77
Щука	80
Совесть	84
Бык Рыжик.....	95
Жизнь мамы сегодня	102
Правнучка Евочка	102
Улыбка – солнышко.....	103
Раненая церковь	106
Рушник.....	110

*Детям Великой
Отечественной
войны посвящается*

Предисловие

«Рассказы моей мамы» читаю так, будто это рассказы и моей мамы тоже.

Читаю и ощущаю всеми своими ресурсами, что самый высокий и святой смысл, самую большую ценность для человека представляет собой понятие Мать.

Её – единственную, выносившую под своим сердцем, давшую жизнь, воспитавшую и выкормившую, мы слушаем с безграничным доверием и преданностью... слушаем про Войну... про немецко-фашистскую оккупацию... про тяготы... про героизм...

Мама Нины Георгиевны рассказывает о пережитом на оккупированной немцами Брянщине... а я вижу и другие обожженные огнем войны родные места... и всю – истерзанную, но непобедимую нашу великую Родину-Мать...

Это Они, наша Родина-Мать, наши мамы и мама Нины Георгиевны, рассказывают и рассказывают нам о том, как выстояли их дети в тяжелых испытаниях Великой Отечественной войны за право жить, о том, что такое сила духа и величие каждого человека в

борьбе со злом, о том, как противостоять насилию и побеждать его.

Гениальная идея, гениальное название и гениальное решение воплощены в этой книге (Гений (устаревшее) – это Ангел Хранитель).

В этом и смысл силы Матери – в сохранении мира и благополучия для всех своих детей.

Читайте «Рассказы моей мамы»... читайте в кругу семьи, читайте в школе, читайте... слушайте... впитывайте...

Впитывайте вместе с этими простыми словами мамы о войне непростые и великие общечеловеческие ценности – патриотизм, достоинство, терпение, мужество, трудолюбие, верность. любовь...

Долгова Валентина Ивановна –

профессор, доктор психологических наук,

декан факультета психологии

Южно-Уральского государственного

гуманитарно-педагогического университета

Причастность

Ощущение причастности к событиям войны не покидает меня ни днём, ни ночью. Оно всегда во мне, всегда со мной. Засыпаю с чувством не исполненного долга. Просыпаюсь с новым рассказом. В моём воображении рассказы, как Божьи птички: ночью отдыхают, а утром вылетают на свет Божий.

Мысли настроены на волну пережитого в годы Великой Отечественной Войны, на боль, страдания и муки моего великого, священного народа. Нет сомнений, что всех нас объединяет общая генетическая память, вскормленная, как у нас говорят, с молоком матери. Возможно, это она выбрала меня для такой работы. Всё началось с малого...

В снежные январские дни Рождества Христова 2019 года я приехала в родные места своего счастливого детства на Брянщину, в рабочий посёлок партизанской славы Белая Берёзка. Заглянула к родненькой мамочке ненадолго, всего-то на три дня. Но так случилось, что именно в эти важные для всего христианского мира дни, с Божьей помощью, мы вместе с мамой написали один из её замечательных устных рассказов о Великой Отечественной Войне.

Жизнь мамы полна горьких, не детских воспоминаний о трагической, кровавой, беспощадной и очень долгой войне. Её воспоминания воплощены в яркие, на-

долго запоминающиеся устные творения. Они имеют магическую силу, заставляющую слушателя возвращаться в мир, кажущийся нам сегодня не реальным. В этом мире всё не так, как хотелось бы жить человеку.

Рассказы мамы, как тяжёлое бремя, которое невозможно сбросить или забыть. Оно приросло к самой нашей сущности! Взрослеешь и понимаешь главное... Ничто нельзя забыть! Нужно помнить всё, как оно было на самом деле.

Великая Брянщина! Край славянской колыбели! Край лесов, полей, озёр и рек! Красавица! Берегиня наша! Это ты возложила на меня эту важную для людей миссию! Это тебе я обязана сосредоточением ума на благородной и животрепещущей проблеме.

Спустя многие годы начинаю понимать то, что доселе мне самой было не ведомо. Самое большое в моей жизни – это моя малая Родина! Её олицетворение, её сущность – это моя мама, Анна Андреевна Прохоренко.

Низкий поклон тебе, мамочка, и бесконечная дочерняя благодарность за то, что ты всегда нас ждёшь, заботишься о нас, наставляешь на путь истинный! Спасибо тебе за то, что всю свою героическую жизнь ты была предана своей малой Родине, Алешенке, и рабочему посёлку партизанской славы Белая Берёзка, которому ты посвятила всю свою жизнь! Посёлок Белая Берёзка стал и для меня, мамочка, священный малой Родиной.

Дети Великой Отечественной Войны... Много ли мы знаем о их жизни? Понимаем ли мы, что они, вчерашние, – это мы сегодняшние?

Мама – дитя войны

Моя мама родилась 4 августа 1932 года. Зовут её Анна Андреевна Прохоренко. Это фамилия моего папы, Георгия Федоровича Прохоренко. Встретились они молодыми людьми в посёлке Белая Берёзка Брянской области. Полюбили друг друга, создали семью.

Девичья фамилия мамы – Горелова. Среди родных и близких маму всегда называют Галиной, Галей, Галочкой. Мама – это живой архив истории моего Отечества, яркая и непростая жизнь Человека, имя которому **моя мама – дитя войны**. Просматриваю документы мамы... Ветеран Труда; Ветеран Великой Отечественной Войны; награждена медалью «Ветеран Войны»; отмечена Знаком «Ударник Одиннадцатой пятилетки»; отмечена многими грамотами и благодарностями за доблестный и добросовестный труд на Селецком деревообрабатывающем комбинате.

Сегодня маме 87 лет. На нее любо дорого смотреть! Она как магнит притягивает к себе всех добрых и справедливых людей. Мама открыта для общения. Имеет надежных друзей. У нее добрый нрав и хорошая память.

Вырастила двух дочерей, Нину и Елену. Она отдавала им всю свою жизнь, учила, оберегала. Как говорит мама: «дала путевку в жизнь». Обе дочери имеют высшее образование, профессионалы своего дела.

У мамы четверо внуков: Оксана, Варвара, Артем, Влад. Мама помогала вырастить внуков достойными людьми. С раннего детства они отдыхали у нее летом, набирались сил и ума. Ходили вместе с мамой в лес за грибами, ягодами. Это были продолжительные, многочасовые походы в лес, где наши дети формировали выдержку, работоспособность, любовь и преданность к малой родине. «Лес, – учит нас мамочка, – это наш кормилец. Он всегда помогал нам выжить, даже в самое тяжелое время».

«Не налюбуюсь я своими правнуками», – с любовью говорит мама. У нее сегодня их уже двое: Даниил, ему 13 лет, и Евочка, 6 лет. Сердце мамы вмещает всю полноту любви к детям, внукам и правнукам! Каждый из них остро чувствует это и спешит к ней на встречу.

Мама живет далеко от нас. Поселок Белая Берёзка – дорогое и любимое её сердцу место жительства, которое для всей нашей большой семьи давно стало родовым гнездом. Не успеют одни гости к маме заехать, как уже потянулись другие. И так вереницей всю жизнь! Как птицы перелетные тянутся в теплые и дорогие сердцу места, так и мы спешим к маме, чтобы посидеть с ней рядышком, послушать ее советы, подлечить житейские

раны. Мама умеет всех красиво встретить и вкусно накормить! Готовится к приему гостей заблаговременно. Несмотря на свой преклонный возраст, более организованного человека в своей жизни я не встречала!

Утром мама просыпается рано, когда все её гости еще спят, и успевает приготовить не только завтрак, но и свой фирменный борщ!!! Вот пишу... и чувствую запах материнского борщика! Как славно проснуться утром, услышать на кухне обычную работу мамы, и почувствовать, что ты еще ребенок! И удивиться, и осчастливиться этим чудом, и уронить скупую слезу радости и Божьей благодати!

Во время Великой Отечественной Войны мама была подростком, и проживала в деревне Алешенка Трубчевского района Брянской области, которая находилась под оккупацией фашистской Германии. Ей ещё не исполнилось десяти лет, когда началась Великая Отечественная война.

Мама много претерпела в своей жизни. Крепкая и рослая девочка, она всегда выглядела на несколько лет старше. Мама рассказывала, как ещё во время войны, сразу после освобождения Брянщины от немецко-фашистской оккупации в 1943 году, она завербовалась на работу в поселок Белая Берёзка. На освобожденной от фашистской оккупации территории, когда ещё шла война по всем фронтам страны, она поднимала вместе с подругами из руин дорогой её сердцу рабочий посёлок

Белая Берёзка, восстанавливала и созидала лучшую жизнь на своей малой родине.

С 1951 г. по 1993 г. мама работала разнорабочей, затем сборщиком изделий на Селецком деревообрабатывающем комбинате (ДОК). Работа была очень тяжелой. Мужчины, которые подменяли её на период отпуска, не могли дождаться, когда она вернется, и удивлялись, как это женщина может выдерживать такую тяжелую физическую работу! Некоторые из мужчин просто отказывались от этой работы, указывая на её особую тяжесть и отсутствие специальной сноровки.

Часто после школы мы с сестрой Леной приходили посмотреть как ловко, легко, красиво и с улыбкой работала наша мама. Слова «сколотка», «дрель», «на вайме», «сборка дверей», были для нас с сестрой чем-то волшебным и недостижимым.

На улице, при подходе к заводу, висели больших размеров портреты отличников труда Селецкого ДОК, среди которых была и наша мама. Маму часто и торжественно награждали за ударный труд в заводском клубе.

Мы с сестрой всегда гордились своей мамой. Всмотривались в дорогие черты лица мамы и благоговели перед её красотой и силой!

А красивой она была всегда! Отдыхала она или работала, – мы ею любовались. У нее не просто глаза, у нее всегда – очи! Карие и пронцательные глаза, выражающие всё состояние её души. И еще какая-то притя-

гательная поволока при взгляде, уверенность и особая стать. Брови тёмные, тонкие, изогнутые в изящную линию, подчеркивающую красоту её всегда сияющих глаз. Ямочки на щёчках, даже при малейшей улыбке, красивые и ровные ряды белоснежных зубов. Полное отсутствие суетливости. Господь наградил её статью русской женщины и художественным вкусом!

Дома у нее всегда порядок. За что бы она ни бралась, – в ее руках всё превращается в элемент искусства. Рассматриваем результат прикосновения её рук к вещам и диву даёмся! Любой сувенир или незатейливая вещица знают свое предназначение, и самым волшебным образом отправляются в нужное место.

Откуда у неё эти способности, такое чутье, знание культуры и искусств? Мы спрашиваем об этом маму. Прильнули к ней всей душой! Глаза ее вдруг загораются удивительным светом бесконечной доброты, и появляется лёгкая улыбка на лице... И вдруг мама начинает рассказывать историю своей жизни до войны.

Это мой папа – Георгий Фёдорович Прохоренко. Его любимыми словами были: «Будешь, дочечка, вспоминать жизнь, как сказку!».

По национальности отец украинец. По судьбе – русский. По философии – «пограничник».

Вот его слова: «Много, дочечка, молодых и красивых, сильных и мужественных людей на земле нашей полегло за Родину, за справедливость! Просят они нас, ныне живущих, – сберечь родную землю от врагов! Охранять её велят нам, не щадя живота своего! Обращаются они и к нам с тобой!!! Вот стоим мы сейчас двумя ногами на земле русской, а сделаем шаг влево – тут как тут появится наш брат украинец, а шаг вправо – брат белорус. Поле у нас с ними единое... славянское поле! Беречь его нужно всем миром!!! Ну, так кто же мы с тобой? Кто земляки наши? Кто Мы, дочечка, отвечаешь?». Смотрим мы с отцом в глаза друг другу, и говорим радостно: «Пограничники мы... пограничники!».

1941 – 1943 годы

Жизнь мамы до войны

Моя мама великая рассказчица! Мама не говорит. Она живописует! И ты всё начинаешь видеть, слышать... Ты начинаешь понимать жизнь изнутри, чувствуешь её наполненность и страдание. Удивляешься, почему раньше ты этого не знал, не понимал. Это как откровение! И вспомнится святое, – «придёт прозрение вдалеке».

Помнит она чудный сад, а в нем необыкновенно сладкие, сочные и крупные сорта яблок с золотисто-розовой кожицей. Мама убедительно рассказывает, что во всей деревне не было таких яблок. Яблоньки привезли родителям из каких-то заповедных мест добрые люди.

Отец мамы, Андрей Никонорович Горелов, до войны был краснодеревщиком, умельцем, который сам делал для дома разнообразную и самую причудливую мебель. Мама помнит красивый сундук, большой стол и стулья, вырезанные им из хороших сортов дерева. У детей Андрея Никоноровича были первые в деревне санки из дерева, коньки, деревянные коляски с настоящими кругленькими колёсиками для тряпичных куколок. Всё было сделано его руками и художественным талантом русского самородка!

Мама моей матери, Огарпина Стефановна, моя бабушка, была небольшого роста и отличалась точёной фигурой и редкой красотой. Андрей Никонорович был старше бабушки на 7 лет, полюбил её ещё девочкой и ждал, когда она подрастёт, чтобы можно было «сватать красавицу». Это были высокие отношения, в которых царил «совет да любовь». За всю свою долгую жизнь их дети не слышали от своих родителей ни одного грубого слова.

В семье было шестеро детей: Иван, Григорий, Алексей, Анатолий, Мария и моя мама, Галина. Родители очень любили своих детей. Шестого ребенка, Анато-

лия, они потеряли. В семилетнем возрасте он тяжело заболел пневмонией. В довоенное время этот диагноз был приговором, лекарств от пневмонии не было, и ребенка спасти не удалось.

Алешенский дом моих родителей был в деревне самым зажиточным и чистым. Позже, когда деревню оккупировали фашисты, то они щепетильно выбирали лучшее для своего проживания жильё. Им понравился наш дом, и немцы вселились в него. Фашисты организовали в нём свой штаб, а семье было разрешено жить в подсобных помещениях, заниматься его уборкой, поддерживать в доме чистоту и порядок.

Серая пыль дорог Беляковской породы мы

Тёплый день сентября 1941 года. Вторая половина дня. Жарко. Улица сильно разогрета. Редкие прохожие пытаются поскорее укрыться под навес. Ничто не нарушает сонного спокойствия деревенской жизни.

Сады в Алешенке благоухают изысканным, тонким ароматом спелых яблок. Яблони здесь в каждом саду! Глубоко вдыхаю воздух бабьего лета и радуюсь. Мне кажется, что тёплый воздух источает запах мёда.

На душе у меня радостно и беспричинно весело. В августе мне исполнилось десять лет, и теперь я считаю себя взрослой девочкой.

Бегу помочь своей подружке Кате. Её корова Белка снова отбилась от стада и куда-то запропастилась. Спешу на поиски коровы-беглянки. Знаю, что Катька обрадуется мне!

Старый, умный пёс Пират медленно переходит деревенскую улицу, и лениво огрызается на куриц, назойливо загребающих серую и сухую землю почти у самого его носа. Всё мило моему детскому воображению!

Вот на завалинке соседнего дома сидит в тёплой телогрейке худенькая, богомольная старушка Ганна. Её губы что – то постоянно шепчут, а скулы двигаются так, словно она семечки жуёт. «Здравствуйте, бабушка Ганна! Здоровьица Вам премного!» – кричу я как можно громче. Бабушка Ганна поднимает голову и говорит участливо: «Спаси и сохрани тебя, деточка! Чьей породы-то будешь?». Я останавливаюсь перед ней и почему-то робею... Всмотриваюсь в морщинистое лицо старушки, и вдруг чувствую себя без причины виноватой перед ней: «Горелова я..., Галя Горелова...младшая дочка Андрея Никоноровича и Огарпины Стефановны!». Лицо бабушки Ганны вдруг оживает и она мягко, успокаивающе говорит мне: «А ты не робей, деточка! Я знаю тебя, – ты ведь «беляковской породы, Галочка. Не забывай это, всегда помни! Деда твоего я знавала! От

него-то всё и пошло... Хороший человек был, добрый, светлый! Так и прозвали тогда всю вашу породу «беляковской». А прозвали так оттого, что красивые все были да ладные, чистые да белые, как лебеди! Дай Вам Бог всем здоровья!». И она перекрестила меня напоследок...

Спустя некоторое время я уже мчалась по пыльной песчаной горке навстречу подружке. В голове как эхо звучало: «Надо же! Оказывается, что все мы, Гореловы нашей деревни, – «беляковской породы». А почему я раньше не знала об этом!? Сейчас расскажу об этом Катьке. Вот она удивится!».

Серая пыль

Мы с Катькой и её коровой Белкой дружно шагаем босиком по центральной алешенской улице. Ощущение постоянной щекотки стоп от серой дорожной пыли, в которую мы постоянно проваливались, запомнилось на всю жизнь.

Это была даже не пыль, а скорее всего какая-то пыльца чего-то особенного, чему раньше я не придавала никакого значения. Стопа легко утопала в ней, и тут же находила себе плотную песчаную опору. Это было щекотно, смешно и весело! Порой ноги проваливались в эту ласковую серую пыльцу до щикотолок, и тогда мы с

Каткой хохотали ещё громче, всем ртом, с надрывом юношеской, необузданной радости!

Нам было от роду по 10 лет. Но по тем временам дети такого возраста считались опорой в семье. Они уже могли выполнять многие виды работ. Дети понимали своё место в семье, несли ответственность за свою работу, и быстро выросли.

Солнце слепило глаза. Серая пыль дороги постепенно окутывала наши ноги уже до колен. Корова, помахивая доброжелательно хвостом, с удивлением поглядывала на игривых подружек. И нам представлялось, что корове сейчас тоже очень весело, ведь она шла домой, где её ждали.

Когда одна из пробежавших мимо хохлаток, громко кудахтая, проехала словно на санках по серой, скользкой дорожной пыли, и из рыжей курицы превратилась в серую «мышь», а корова Белка в это время вдруг встрепенулась и жалобно замычала, – то мы с Каткой без особой причины хохотали до слёз, да так, что остановить нас было просто невозможно.

... В заходящем на западе солнце рассеивалась серая пыль. Она заслоняла яркие лучи. Вдруг, вся в изгибах деревенская дорога, с крутыми рвами по сторонам, показалась нам необычной и даже зловещей. Я, услышав со спины медленно приближающийся, монотонный звук, испуганно обернулась назад. Мелькнула мысль:

«Вот и доигрались, нахохотались вдоволь на свою головушку! Вот и ужасы уже начинают мерещиться...».

Мы увидели, как в мареве серой пыли, медленно оседающей на землю, двигались большие, округлые, едва различимые тени. Вначале они были похожи на птиц. Затем приняли очертания чудовищ, которые быстро приближались к нам. От неожиданности мы замерли на месте, и долго не могли понять, что нам делать дальше. Заворожённые мы наблюдали, как дуло большой железной машины начало вращаться по сторонам. Мы поняли, что нас заметили. Я опрометью бросилась на обочину дороги. Однако Катька с коровой продолжали стоять, как вкопанные.

Вдруг наверху железной машины открылась крышка люка и показалась человеческая голова. Это привело нас ещё в больший ужас! На неизвестном нам с Катькой языке человеческая голова что-то отрывисто кричала и махала рукой в сторону рва. Катька вдруг болезненно вздрогнула, словно кто-то прикоснулся к ней. Она поняла что-то очень важное, издала необычный для неё нутряной крик, и, с огромной силой дёрнув свою корову за поводок, бросилась с ней в ров. Я видела, как бросив корову, Катька покатилась в глубину рва.

Спотыкаясь о пни и кустарник, падая и расшибаясь до крови, мы с Катькой, как полоумные, бежали вдвоём по ущелью алешенского рва, кричали и плакали от страха, боли и нравственного страдания.

Прибежали домой и всё поняли. Немецкая оккупация нашей деревни Алешенка началась. Мы встретились с первыми немецкими танками, которые вошли в нашу деревню.

До сих пор с волнением вспоминаю прошедшее и думаю, как же нам с Катькой удалось спастись? Ведь только с Божьей помощью, мы остались с ней живы!

Оккупация Алешенки

Односельчане не знали обстановку на фронте, и в большой печали шептались, что наши отступают.

Нам с Катькой суждено было увидеть то, чего не пожелаешь врагу! Мы стали свидетелями, как по той же дороге, навстречу немецкой колонне поднимались, не ведая смертельной опасности, русские военные машины. Их было много. Везли раненых, орудия, тащили обозы с кухонной утварью.

Движение было нескончаемым потоком. Рядом с машинами шли солдаты. Кто покрепче из них, несли на плечах какие-то грузы, помогали более слабым и больным товарищам. Самым страшным было то, что никто из движущейся колонны не мог видеть немцев, не подозревал такого трагического и смертельного совпадения – лобовой встречи с лютым и ненавистным врагом. Немцам же с песчаной горы заросшей кустарником, как

на ладони, был виден луг и поле, по которому шли им навстречу обескровленные части Красной армии.

Немецкие машины, ехавшие по дороге сверху вниз, должны были давно заметить передвигающуюся колонну отступающих частей нашего фронта, и принять для себя какое-то решение.

Спустя несколько мгновений раздался оглушительный выстрел из фашистского танка. Немецкие орудия начали стрелять в глубину нашей мирной и сонной деревенской улицы.

Мы с Катькой впервые встретились с невинно пролитой кровью Великой Отечественной Войны, увидели, как страшна и бессмысленна смерть! Русские солдаты падали на землю, словно снопы в поле... Машины взрывались. Не передать хаос и ужас трагедии, разразившейся в самом центре деревни Алешенка!

Немцы стреляли до тех пор, пока серая пыль деревенской дороги не превратилась из серой в кровавую.

Всю свою жизнь вспоминаю начало немецкой оккупации нашей деревни с содроганием! Слезы начинают душить, когда вижу, как падали и погибали наши беззащитные солдаты... Многие из них умирали не сразу, мучились. Порой успевали сказать, откуда они родом и просили передать записки родным.

Деревенские жители с риском для своей жизни бросились на помощь раненым. Под покровом ночи односельчане пытались отыскать раненых солдат, что-

бы оказать им помощь... На сельское кладбище носили тела наших убиенных солдатиков. Их хоронили в наскоро выкопанной общей могиле. В том месте сейчас стоит памятник – обелиск солдатам, павшим за освобождение от фашистов, память о тех жестоких и страшных событиях.

Отец мой, много рассказывал об этом горе. Не мог он тогда скрывать скупые мужские слёзы. Его душила жалость к убитым русским солдатам. Он страдал оттого, что хоронил чьих-то детей, которых всё ещё ждали их родители! Больно было старому воину. Его три сына были на фронте, а вестей от них не было.

С того трагического дня немцы остались жить в Алешенке. Началась немецко-фашистская оккупация.

Яблочко войны

Был конец лета 1941 года. По моей родине уже третий месяц шагала Великая Отечественная Война... Брянщина оккупирована. Наши отступали.

Село Алешенка Трубчевского района... Опалённая войной Брянщина. Мы были тогда детьми. Позже нас назовут детьми войны. Как и все дети, мы любили играть даже в самые тяжелые времена. Только игры наши диктовала сама война.

Из каждой семьи уже кто-нибудь был призван в армию и воевал. В нашем большом семействе ушли на фронт и воевали мои три старших брата: Иван, Григорий и Алексей. Первый из них был рядовым, второй шофёром, а третий капитаном. Святое чувство радости переполняло меня за их мужество и доблесть. Это были три красавца, былинные богатыри земли русской. Я гордилась ими и всегда мечтала сделать в своей жизни такое, что могло бы соответствовать их стати и достоинству!

Дни протекали напряженные... Каким-то чудом я узнала от взрослого односельчанина, что на левом берегу реки Десны прячутся наши солдаты. Они были отрезаны немцами от своих, и умирали с голоду. Я, десятилетняя девочка, понимала, что нужно действовать быстро. Собрала вместе своих самых смелых друзей сверстников. Их было человек десять мальчиков и девочек. Мы решили, что нужно нести голодным солдатам покусать немедленно! В моих мыслях была надежда, а вдруг среди них будут и мои три брата.

Нагруженные яблоками, которых в этот год было большое изобилие, тайно от родителей, прихватив из дома скудную еду, состоящую из варёного картофеля, остатков щей и кусочков хлеба, дети осторожно пробирались лугом к левому берегу Десны. Путь был не близкий. От нашей деревни лугом нужно было пройти километров семь. Летний день длинный, и мы, обсуждая

предстоящую встречу с солдатами, без труда и незаметно для себя, быстро добежали до желанной цели.

Напряжённо всматриваясь у самого берега вдаль, мы надеялись увидеть на другом берегу реки Десны русских солдат. Их не было видно. Мы уже начали думать, что пришли не в то место, о котором случайно слышали. Нужно было возвращаться обратно.

Вдруг кусты на противоположном берегу реки зашевелились как муравьи, и показались люди в касках. Один из них надувал резиновую лодку. Скоро он уже плыл навстречу к нам. Это был молодой, русский, красивый парень. Первое, что он спросил: «Кто вас послал сюда, дети? Как вы узнали место, где мы находимся?». Мы ликовали, что нашли наших воинов. Перебивая друг друга, мы поведали ему историю о солдатах, умирающих с голода за рекой Десной в окружении немцев, которую слышали в деревне от надежного человека.

Очень скоро яблоки, остатки варёных щей и картофеля, крошки и кусочки сухого хлеба, а также то немногое, что во время войны коротко называли «съестным», были погружены в лодку. Военный, находящийся в лодке, обратился к нам с просьбой: «Дети, – сказал он, – спасибо вам! Видите это яблочко? Когда на другом берегу реки мы разрежем яблоко на четыре части, то каждому солдату достанется эта частица! Если Вам удастся, дети, то принесите ещё...». Тут же он подал нам большую упаковку денег. «Возьмите, – сказал он, – они

могут вам пригодиться». Деньги мы не взяли. Сказали, что в нашей деревне всё разбито и деньги нам не понадобятся. Он тут же выбросил их в реку Десну.

Радостные и окрыленные содеянным, мы мчались на всех детских парусах домой. Нужно было успеть еще раз принести то, что так необходимо усталым, голодным и измученным солдатам.

Внезапно мы услышали гул трех самолетов. Мы уже имели опыт, как и где следует прятаться в таких случаях. С нашей стороны река Десна имела крутой обрыв, куда мы мгновенно, как стая ласточек, бросились и прижались к песчаной стене обрыва. Немецкие самолеты на бреющем полете низко опускались к земле и стреляли из пулеметов. Пули врезались в землю и взрывали ее. Гул самолетов оглушал. Они сделали полетов пять в поисках мишеней, которыми были дети. До позднего вечера мы сидели, прижавшись друг к другу, в песчаной стене берега реки Десны, боясь выйти из-под своей защиты.

Так во второй раз, нам не удалось принести солдатикам покушать. Остались они живыми тогда, или нет, — мы этого не знаем. А солдаты, по нашему детскому мнению, подумали, что мы погибли...

Родителям своим мы ничего тогда не рассказали. Только после войны делали признания о своих подвигах.

Покаяние

Русских пленных солдат было много. Они шли вереницей по пыльной сентябрьской алешенской дороге, по четверо в ряду, уставшие и измождённые болезнями и нравственными страданиями. Их конвоировали немцы.

Это были уже далеко не первые русские пленные, которых провожали деревенские жители. Стоило на горизонте показаться такой печальной процессии, как все жители деревни, молча и не сговариваясь, выходили из своих изб и брели к центральной деревенской дороге, чтобы проводить очередную партию пленённых русских солдат.

Односельчане не могли знать, откуда и куда гонят немцы наших солдат. Но каждый из жителей деревни в скорбном и суровом молчании упорно искал глазами своих близких.

Шли пленные солдаты, сосредоточенные на чём-то очень важном. Глаза их смотрели строго и зло. Была в этих глазах сила непоколебимая. На лицах читалась русская досада мужика, который подвязался под дело великое, да что-то пороуху вот не хватило! И шли они по родным просторам в сильной задумчивости. Видели пленные солдаты боль и страдания русских женщин и малых детей, и наливалась в их жилы великая сила противостояния немецкому насилию.

Проходили солдаты мимо Храма Михаила Архангела... Кланялись они низко Церкви Христовой, и крест православный на себя накладывали. Накатывались на их глаза слёзы, и кадыки судорожно ходили ходуном. Но не плакали солдаты. Думу свою скорбную вынашивали. Верили, что вернутся они обратной дорогой победителями!

Понурые стояли односельчане. Молчание нарушалось только тогда, когда в их толпе кто-нибудь вскрикивал и бросался навстречу пленным. Обознавшись, человек начинал метаться и громко выкрикивать драгоценное для него имя, которое носил в своём сердце днём и ночью.

Немцы ждали такие эпизоды... Они мгновенно и зло начинали отталкивать односельчан от пленных, позволивших нарушить их порядок. Били их шомполами жестоко, беспощадно, старались изувечить.

Но наши люди не боялись боли! Несмотря на побои и унижения конвоя, они пытались поддержать пленных солдат. Жители деревни бросали солдатам варёный картофель, куски хлебushка, яблочки, в изобилии уродившиеся в этом году по деревням, тёплые вещи, оставшиеся в осиротевших без мужиков избах.

...Помню тот день, когда мы вместе с моей мамой, Огарпиной Стефановной, стояли в толпе деревенских жителей, провожающих очередную колонну русских пленных солдат.

Мама, маленького роста, худенькая и слабая здоровьем женщина, стояла тихо, скрестив на груди руки, закованная только в одну мысль: «Где вы, сыночки мои дорогие? Иван, где ты? Дай знать! Григорий, увидеть тебя хочу, пусть только одним глазочком? Алексей, младшенький мой, ты же военный! Тебе легче дать знать о себе!? Где вы, три моих героя, сыночки мои!? На каких фронтах воюете? Отзовитесь, родные мои... кровиночки мои!».

Стоит моя мама безмолвная, но чувствую, что причитает она горько сердцем своим! Вдруг увидела мамочка солдатика, похожего на её среднего сыночка, на Григория. Идёт солдат худой и виноватый, а на шее у него много «чирьев». Горят они у него, проклятые. Холодно ему. Озноб мучит. Видит мамочка, что больно ему. Жалко ей солдатика. Сорвала она с себя чёрный шерстяной платочек. Закричала не своим голосом: «Гриша! Гришенька, сыночек!».

Остановился солдатик. Повернулся к ней. Стал искать глазами маму. Видно было, что его тоже Григорием звали! Рванулась она к нему. Обняла. Завязала ему на шею тёпленький шерстяной платочек. Сердце у неё слабое. Не успел фашист её наказать. Упала мама без чувств на руки односельчан. Не вынесла нервного напряжения.

Сердилась я тогда на маму. Зачем она в обмороки падает всё время?! Не понимала я тогда своим малолет-

ним умом, что сердце матери разрывается от горя и боли. Все мысли её об одном: живы ли её сыночки? Что с ними происходит? Где они сейчас?

Русские солдаты, отступавшие в сентябре 1941 года по многим направлениям и фронтам страны, плененные в самом начале Великой Отечественной Войны немцами, уходили вдаль, грозно поднимая за собой сентябрьскую серую пыль дорог. И мы нутром верили, что они вернутся, чтобы освободить нас от фашистов.

Деревенские жители в это время расходились по своим домам. Горестное молчание вдруг взрывалось плачем и причитаниями деревенских баб и малых детей в разных уголках Алешенки! И в этой суровой недосказанности и безысходности происходящего угадывалось животворящее покаяние нашего народа, который в самую трудную минуту испытаний и лишений укреплялся в своей истинной вере!

Надежда на спасение и победу в Великой Отечественной войне никогда не оставляла наш многонациональный, терпеливый, многострадальный, умный и покаянный народ. Наши люди, как никогда, именно в это тяжёлое время испытаний войной жили в вере, надежде и любви, поддерживали друг друга!

Бом-Бом

Никогда мы в деревне не делили людей по национальностям. Жили все мирно. Уважали друг друга. Помогали во всём.

Помню, как мои родители спасли семью евреев...

Лида с мужем приехали в Алешенку несколько лет назад из Новозыбкова. Семья её родителей была чисто еврейская, и не смогла смириться с выбором Лиды. Все были против, когда она решила выйти замуж за русского военного. Молодые люди вынуждены были поменять место жительства. В Алешенке Лида приняла православную веру. Венчались они с мужем в Алешенской церкви. Бог послал им троих детей: девочку и двоих мальчиков погодков. Женщиной она была доброй, грамотной и работающей. Работала продавцом в магазине. Перед войной муж её погиб, и Лиде пришлось поднимать своих детей одной.

И вот настало страшное время, когда на нашу землю пришли фашисты. Оккупировали и землю, и наш народ. Изменился уклад жизни. Изменилась сама жизнь.

Дом нашей семьи немцы заняли под свой штаб. В нём они собирались вместе и обсуждали свои чёрные дела. Мы вынуждены были переселиться в подсобные помещения возле дома.

Немцы, которые пришли вероломно на нашу землю, для всех нас были захватчиками и фашистами. Но

уже совсем скоро мы поняли, что среди них есть особые войска, которые народ называл карателями.

Те фашисты, которые пришли в наши дома первыми, не убивали мирных жителей. Подтверждением этого был у нас такой случай. Один из проживаемых в нашем доме немцев, увидев на стене фотографию трёх моих братьев в военной форме, спросил мою маму: «Кто это и где они?» Мама сказала: «Сыны это мои: Иван, Гришка, Алексей. В армию призвали, на фронте они». Немец долго и пристально рассматривал фотографию. Потом подошёл к маме и твёрдо сказал: «Сними, matka, фото и уничтожь её! За нами идут другие немцы, особые, даже мы их боимся, – сказал он. – Если немцы-каратели найдут фото сынов твоих – не пощадят! Для них вы все - есть партизаны!!! Всех вас сразу... бом-бом!». Мама заплакала. Утирая слёзы концом старенького чистого платочка, она сняла фото со стены и... спрятала его в надёжное место.

Шло время... Каждый день жизни был для всех нас испытанием, и приносил много горя. В один из таких дней, к нам в дом вбежала соседка Лида, которая жила напротив нашего дома через дорогу. Бледная, «как полотно», с искажённым от страха лицом, она металась по нашему дому и обмирала. Ноги её подкашивались. Она падала на колени и шептала едва слышно: «Андрей Никонорович! Спасите! Христа ради! В деревню пришли отборные каратели. Они хватают евреев и тут же унич-

тожают... В руках у них списки...наш деревенский полицай с ними. Дети мои успели выскочить и разбежались в разные стороны».

Недолго думая, отец открыл крышку подпола, и она успела спуститься в подвал. Едва подпол закрыли, как в дом ворвались вооружённые немцы. Было видно, что они знают, кто им был нужен. Искали нашу несчастную соседку, уже немолодую женщину еврейского происхождения.

Нелюди искали её везде. Открывали шкафы, выбрасывали из них наши вещи, перебирали документы и швыряли их на пол. Проверили все подсобные помещения. Моя мама несколько раз обмирала и падала в обмороки...

Открыли и крышку подпола. Вниз была спущена широкая и добротная лестница, с любовью изготовленная самим хозяином дома. Все углы подпола немцы осветили фонариком, но, видимо с Божьей помощью, никого там не обнаружили. Грубо и напористо спросили они маму: «Есть кто там?» – и показали вглубь подпола. Как никогда спокойно и уважительно, Огарпина Стефановна ответила карателям: «Никого там нет, пан! У нас ведь здесь штаб немецкий стоит! А наша семья помогает немцам по хозяйству». Наверное, это и спасло всех нас! Не стали каратели спускаться ступенькой ниже. Не догадались! Всего одна ступенька – цена жизни всей нашей семьи, в том числе и моей тоже!

Позже мы узнали о том, что кто прятал евреев у себя дома, тех расстреливали всей семьёй прямо на месте... Но это было позже! А в тот момент мы сидели тихо, тесно прижавшись друг к другу, оцепенев от ужаса, который постепенно начинал овладевать нами. Мы смотрели в проём открытого подпола и не верили своим глазам. Соседка Лида, еле живая от страха, медленно выползала из подвала. Всю свою жизнь она не забывала моих родителей, помнила, кто подарили ей вторую жизнь. Наша семья стала для неё родной. Спасённая нами Лида ходила к нам в гости, всегда старалась помочь и поддержать нас. Благодарила моих родителей! Говорила: «Если бы не Вы, то нашли бы меня немцы и убили. Вы мне жизнь спасли! Рисковали ради меня всей своей семьёй! Бог нас всех спас!».

На протяжении всей своей жизни, моя мама задаёт себе один и тот же вопрос: «Кто мы? Почему мы победили в такой кровавой и страшной войне? Что в нас такое особенное, что определило Победу?». Заглядывая внутрь себя, с трогательной и радостной грустью она говорит: «Это всё потому, что мы православные люди! Вера у нас такая! Бог нам помогает!».

Изувер

Живы ещё очевидцы Великой Отечественной Войны, которые из уст в уста рассказывают своим детям, внукам и правнукам о героических подвигах наших воинов – защитников, о самоотверженных и благородных поступках простых людей, которым выпала великая доля – освободить своё Отечество от фашизма и порабощения!

Было время, когда Брянщина находилась под немецко-фашистской оккупацией, а в брянских лесах формировались партизанские отряды защитников – добровольцев.

Сегодня героические имена партизан овеяны легендарной славой, их портреты строго всматриваются со стены Почёта в нашу совесть, о них много написано.

Но есть среди них имя, которое очевидцы вычеркивают из списка героев! Очевидцы волей случая стали живыми свидетелями кровавых, бесчеловечных поступков и надругательств над беззащитным мирным населением одного из известных, и многими почитаемых, партизан.

Этой истории уже более 70 лет... Не всё хочет вспоминать и хранить человеческая память... Она словно пытается освободиться от того, что её разрушает, что является единичным, повреждающим.

Мама справедливый человек, и не желает умалчивать преступления! Она рассказывает нам об этой исто-

рии каждый год с регулярным упорством. Говорит так, словно залечивает хроническую рану...

Для всех нас слушать её рассказ – испытание. Зачем она это делает, ведь всем нам от этого больно, страшно и неприятно! «Мама, ты уже нам рассказывала это!?» – говорим ей, в надежде, что она не будет рассказывать. Но маму не остановить: «Не усё я вам еще рассказала, дети... Слушайте и не забывайтя, что творив изувер. Нихай усе партреты его сымуть у клубах. Не быв ён героем! Бандит ён!».

В самом сердце Брянщины, в заповедных брянских лесах расположился небольшой посёлок, где жил «наш герой» перед Великой Отечественной Войной. Был он простым рабочим, и ничем не отличался от других. Работал на одном из брянских лесокомбинатов.

В начале войны, когда Красная армия отступала, а фашисты захватывали наши сёла и города, сопротивление народа возрастало с каждым днём! Чтобы сберечь оборудование лесокомбината, руководством было принято решение о его переброске в тыл страны.

Быстро и организованно демонтировали станки и другое важное оборудование лесокомбината. Были назначены работники, которым в определённый срок следовало доставить ценный груз в указанное место, а затем вернуться для отчёта. Это ответственное задание поручено было выполнить двум друзьям, хорошо заре-

комендовавшим себя на работе: «нашему герою» и его лучшему другу Семёну.

Станки «наш герой» до места назначения не довёз. Сбежал по дороге в лес, и, как выяснилось позже, оказался в партизанском отряде. Семёну пришлось одному сопровождать оборудование в тыл страны. Исполнив свой долг, он вернулся в посёлок, где его уже ждала повестка на фронт.

Семён был женатым человеком. Его жена, Валентина, была женщиной необыкновенной красоты и очарования. Мужчины засматривались на неё, но скромность и любовь к Семёну делали её недоступной. Было время, когда и «наш герой» пытался её «завоевать», да только сила любви Валентины к Семёну была настолько велика, что влюблённая пара не придавала этому никакого значения.

Он гордился своей супругой, оберегал во всём. Было у них трое чудесных деток, двое мальчиков 15 и 11 лет и девочка 7 лет. Семья жила в большой любви и согласии. Перед началом войны, откуда-то издалека, приехали к ним погостить родители Семёна, да так и остались здесь навсегда.

...Началась война. Семён воевал в рядах Красной армии.

Мой дядя был пожилым человеком, поэтому на фронт его не взяли. До войны жил он в посёлке, и хорошо знал семью Семёна. В посёлке с каждым днём

жизнь становилась всё тяжелее. Было голодно. Люди бедствовали. У дяди был свой дом в деревне, и тогда он решил перебраться туда вместе со своей семьёй. Деревня спасала в лихолетье.

Вернувшись как – то в посёлок за оставшимися там вещами, он увидел истощённых, голодных детей Семёна, осунувшуюся Валентину и родителей. Понял, как тяжело было семье Семёна выживать в посёлке. «Добрый был человек мой дядя, Царство ему небесное, пожалел он их, спас! Посадил всех шестерых на повозку, да и привёз в нашу деревню, к себе домой», – рассказывает мама.

Дом у дяди был небольшой, но «в тесноте, да не в обиде». Первое время семья Валентины жила вместе с семьёй дяди. Помогали друг другу. Трудились на деревенском огороде вместе, запасались на зиму. Кушали за одним столом.

Немцев в деревне ещё не было. Знатоки говорили, что немцы ещё под Погаром. На краю деревни, недалеко от дома моего дяди, жили старенькие дедушка с бабушкой. Скоро ушли они по старости в мир иной. Освободилась ветхая, но чистенькая изба. «Хатка с соломенной крышей», надёжно сохраняла тепло, и большая семья Валентины с удовольствием переехала в неё жить. Мы им также помогали, чем могли.

Помню, например, как дядя привёз погибающего на лугу «лошёнка». Выжить животное не смогло. А время

было такое, когда спасать нужно было живых людей. Деревенские хозяева в те времена умели делать своими руками всё, что было необходимо. Дядя приготовил тушу вяленого, слегка копчёного «лошёнка». Его тушка висела в деревенских сенцах, и дядя строгал её небольшими кусочками не только нам, но и семье Валентины. Это было вкусно и сытно для постоянно голодающих людей. Семья Валентины была добрая, как у нас говорили, «из интеллигентных». Мы понимали, что им трудно освоиться в деревенских условиях, и всячески их поддерживали. Делились всем, что было.

В это время появляется в деревне «наш герой». Долго оборотень искал эту семью... Находит в старенькой «хатке» Валентину и пытается убедить её оставить детей и родителей. Предлагает ехать с ним в партизанский отряд в качестве жены. Валентина не соглашается, говорит, что она замужняя женщина, венчанная, что её муж должен быть ещё живым. Не смущает «нашего героя» и то, что не может нормальная мать бросить «на произвол судьбы» своих троих детей и родителей... Отказала ему Валентина.

Но на этом дело не кончилось! Уходя, он пригрозил: «Смотри, Валентина, не дожидайся второго раза!».

Прошла неделя... Дело было в субботу, под Святую Пасху. В этот божий день появился изувер во второй раз. Подъехал он к домику на своём белом коне. Привязал неторопливо коня к изгороди. На спине его

верхней одежды белыми буквами было написано: «Бессмертный!».

Старенький свёкр Валентины, отец Семёна, «всю эту картину» видел из окна. Когда воинственный мужчина крепкого телосложения направился ко входу в дом, пожилой человек очень испугался. Он бросился в сенцы и едва успел залезть на чердак по лестнице. Он догадался, что сейчас произойдёт недоброе. Через несколько минут старик услышал пять выстрелов. Они были с небольшими интервалами. «Он их всех застрелил!», – подумал старик, уже убитый одной только мыслью. Трясущимися руками и ногами, в полуобморочном состоянии пожилой человек расковырял ветхую соломенную крышу домика и переместился на крышу сарая, тесно соприкасающуюся с крышей дома. Он был спасён.

Лёжа на крыше сарая, живой свидетель великой трагедии видел, как мужчина вышел из дома, вытащил спички и поджёг солому возле дома. Соломенный, глинобитный дом мгновенно запылал. На глазах несчастного старика все убиенные сгорели...

Изувер вскочил на своего белого коня, поддал ему под бока, и они оба исчезли в вихре пыли.

Помню, когда нам сказали, что домик на краю деревни сгорел, мы прибежали к домику уже на пепелище... Позже отец смастерил большой ящик, куда люди всем миром помогали складывать косточки убитых с

особой жестокостью и плакали. Их похоронили на деревенском кладбище, рядом с могилами наших родственников.

Мама вспоминает: «Эту страшную историю убийства целой семьи, невинных мирных людей рассказал её очевидец, – свёкр Валентины. Он единственный из этой семьи, кто спасся и остался жив. Но можно ли это назвать спасением? Спасение только в правде, а правду не сокроешь. Он уже не жил, а существовал...»

После победы в Великой Отечественной Войне весь в орденах вернулся в посёлок муж Валентины. Он искал свою семью там, где расстался с ней в начале войны. Ему рассказали, что семья в первый же год войны перебралась в деревню.

Приезжал муж Валентины в деревню. Рассказали ему подробности гибели его любимых деточек и жены Валентины. Все годы он воевал во имя жизни этих драгоценных ему родных людей! Мысли о них его защищали, оберегали! В страшном сне не могло присниться Семёну, чтобы свой, да ещё «друг» сделал то, что делали фашисты.

Мама рассказывает: «Не было больше покоя Семёну! Он искал изювера повсюду. Выслеживал как хищник. Знал, что найдёт его, и тот за всё заплатит! И нашёл он его, но поздно... убили его свои же! Оказалось, что убийство семьи было не первым, и не последним преступлением изювера. Как что ему не по нраву, – так

хватается за револьвер! Страшные истории я знаю об этом изувере. Собаке – собачья смерть! Хотел он славы! Желал всех обмануть. Делал вид, что не причастен к гибели людей. Не знал, убогий, что «всё тайное – становится явным», что есть Божий суд! И наказан он был уже при жизни».

Девочки-мадамочки

Копаем мы окопы противотанковые и пехотные. Три года идёт Великая Отечественная Война. Все население Брянщины под оккупацией фашистской Германии. Мне уже тринадцать лет. Собрали нас немцы со всей деревни, старого да малого, детей, женщин, стариков. Каждому следует вырыть окоп: два метра глубиной и два шириной. Расположились мы друг за другом. Копаем окопы.

Вдруг летит над нами самолёт и начинает кружиться. Становится жутковато. Среди нас возникает паника. Неожиданно различаем на борту самолёта красную звезду. Понимаем, что это наш самолет. Он зависает над нами. Немцы разбежаться в разные стороны. С самолёта что-то падает и разлетается у самой земли.

Вначале мы не поняли, что произошло. Испугались. Вдруг видим, что летят с неба листы бумаги. Мно-

го их, листочков! Как дождь бумажный. Я ловлю одну из них. Читаю:

«ДЕВОЧКИ – МАДАМОЧКИ,
НЕ РОЙТЕ СЕБЕ ЯМОЧКИ!
ПРИЕДУТ НАШИ ТАНОЧКИ,
ЗАРОЮТ ВАШИ ЯМОЧКИ!»

Немец заметил, как я прятала листовку. Отнял её у меня. Больно ударил шомполом по плечам. Потом заставил нас всех собрать листовки и тут же их сжечь.

Прошло 74 года! До сих пор, во всех деталях, помню этот момент своей жизни. Внутренним зрением вижу эту листовочку. Часто рассказываю её содержание детям, внукам и двум своим правнукам. У них хорошая историческая память и врожденное чувство патриотизма. Они гордятся смелостью и силой духа наших освободителей, а текст листовки знают наизусть.

Мытарства Сентябрь 1943 года

Никто из нас не знал тогда, что один из тёплых сентябрьских дней был последним, когда немцы принуждали нас копать противотанковые окопы. Копали

окопы всем населением деревни. В доме оставались только тяжело больные взрослые, да малые дети.

Каждый должен был выкопать норму: два метра в глубину и два в ширину. Проверяли немцы выполнение работ очень строго. Ходят с автоматами рядом, смотрят на нас сурово. Окопы копать очень тяжело. Надрываешься, а передохнуть не дают.

Вот копаем мы противотанковые окопы. Рядом возле нас ходит, наблюдающий за нами, немец. Видно, что ему скучно. Сытый... Играет на гармошке и вяло, стараясь привлечь наше внимание, говорит: «Сьогодні ваш зольдат припользаль. Сказаль, что сьогодні русские будут бом-бом, а немцы погонять вас в Германи!». Не поняли мы тогда смысла его слов, но было в них что-то роковое. На душе появилось недоброе предчувствие.

Пришли домой на обед. Только сели кушать во дворе, как из лесу начала бить тяжёлая артиллерия... Нам казалось, что стреляли где-то рядом. Стало тревожно!

Жили мы тогда одним днём. Информации правдивой не имели. Не знали мы многого, не ведали главного. Немцы внушали нам, что Красную армию они разбили, Москву уже взяли, что скоро поймают Сталина и Левитана. Особенно они ненавидели Левитана. Детей пугали, рассказывали им, что поймают наших руководителей и сразу в печку их кинут. Было нам жутко и непо-

нятно, за что немцы готовят хорошим людям такую страшную казнь.

В этот длинный, сентябрьский день 1943 года, населению деревни Алешенка было приказано, как можно скорее, собраться для отъезда в Германию. Для всех нас это было полной неожиданностью.

Времени на сборы дали мало. Отец запряг нашего коня и прицепил к нему повозку. Мы спешно укладывали на неё всё самое необходимое. Прошло немного времени, и на повозке появилась гора вещей, с которыми так трудно было расставаться. Отец был недоволен нашей нерасторопностью, но не успел он сделать нам замечание, как снова ударила тяжёлая артиллерия.

Теперь нам казалась, что снаряды бьют прицельно по деревне. Они взрывались уже совсем близко. Отец закричал: «Всем бежать в окоп! Быстро!» Мы бросили всё, что было в руках. Забыв о коне, о повозке с вещами, – бросились бежать в окоп, который был вырыт по проекту отца заблаговременно и для особого случая. Отец прошёл две войны и знал цену окопам. Едва он успел привязать к забору коня и укрыться вместе с нами, как один из снарядов прилетел в наш двор. Раздался оглушительной силы взрыв! Мне казалось, что нас больше нет...

За плотной пеленой взвеси земли, ничего не было видно. Мы все очень испугались. Я перестала видеть и

слышать. Немцы в это время побежали в наш подвал. Это было их убежище.

Спрятаться удалось не всем немцам. Не повезло одному несчастному с рыжей шевелюрой. Он бежал последним, но не успел спуститься в подвал. Его голову так и снесло, оторвало.

Взрыв был такой силы, что почти засыпал наш окоп. Испуганный конь дико закричал. Сорвав привязь, рванулся он вместе с нашей повозкой вперёд, роняя и разбрасывая по сторонам наши скромные пожитки, семейные фотографии и самовар, с которым так не хотелось расставаться. «До сих пор всё где-то летает», – горестно вспоминает об этом мама.

Когда дым и густая пелена земли немного рассеялись, мы в ужасе замерли. Взорвавшийся во дворе снаряд, разворотил половину нашей хаты, а двор было не узнать, его просто разорвало на части. На всё это было страшно смотреть! Мама запричитала. Все мы долго плакали навзрыд.

Наш конь

Коня на месте не было. Мы думали, что его убил снаряд. Но отец не поверил в это и пошёл искать коня. К великой нашей радости, он привёл его вместе с повозкой. Испугавшись взрыва снаряда, обезумевший от страха

конь, беспорядочно бежал. Затем за что-то зацепился настолько, что вынужден был принудительно остановиться. Большая часть нашей поклажи была потеряна.

Но много ли нужно несчастным людям, чтобы надежда вновь посетила наши души!? Конь был с нами, и мы понимали, что сможем теперь передвигаться всей семьёй дальше! Но самым главным было то, что все мы остались живы! Это вселяло в нас радость, веру и надежду в то, что теперь мы обязательно преодолеем все трудности и мытарства.

А конь у нас был особенный! На редкость умный, сильный и красивый. Отец подобрал его раненого в ногу на лугу вначале войны. Никто точно не знал судьбу этого коня. Откуда он и чей? Отец был убеждён, что это конь военный. Возможно, когда отступала наша конница, то коня ранило в ногу.

Когда отец увидел его впервые, конь был очень слабый. Лежал он на лугу с рваной раной ноги и не мог подняться. Раненое животное погибало, а из его умных и пронзительных глаз катились слёзы. Наш отец был всегда жалостливым и очень добрым. С большим трудом он погрузил на повозку едва живого коня, и привёз его домой. Помогли соседи и родственники.

Конюха и конюшни в нашей деревне в то время уже не было. Новый немецкий порядок не предполагал организованно заниматься лошадьми. Животные оставались беспризорными. И благо, что было лето! Они

бродили, сбившись в стада по лугам и полям, добывая себе необходимое питание. Лучших лошадей, забирали для себя немцы.

Отец долго выхаживал коня, кормил, лечил. Хромой и больной конь немцам был не нужен, поэтому они разрешили нашему отцу держать его в качестве дополнительной рабочей силы. Когда конь выздоровел и окреп, то стал для нашей семьи кормильцем и надёжным помощником. Что бы мы без него делали в те тяжёлые для всех времена?!

Побег во рвы

Гонят нас немцы в Германию. Впереди наш хромой конь с повозкой. На повозке лежит то, что осталось после взрыва снаряда. Сверху сидят двое малых детей старшего брата Ивана, воевавшего в это время на фронте. Маленькая Мария, очаровательная девочка с огромными карими глазами, заботливо прижимает к себе своего младшего братика Виктора. Она шепчет ему на ушко волшебные детские слова, от которых дрожащий, щупленький Витя успокаивается.

В беспорядочной толпе беженцев лошадей с подводами было не больше десяти повозок. Те односельчан, которые в хозяйстве лошадей не имели, – вынуж-

дены были идти с вещами пешком. Люди шли друг за другом целыми семьями.

Кроме лошадей, рядом с нами шли и другие животные. Корову, нашу кормилицу, во время движения мы привязывали к повозке. Ей это нравилась. Она с удовольствием следовала за подводой, изредка встряхивая головой и посматривая на нас своими влажными, умными глазами. За коровой, равномерным и бойким шагом, шла наша худущая свинья с отвисшими до земли сосцами, а за ней вприпрыжку бежало двенадцать её смешных поросят. Казалось, что животные, почуявшие беду каким-то внутриутробным сознанием, оставшись без привязи и свободными, – решили разделить судьбу своих хозяев!

Всё беспорядочно двигалось и дышало, пищало, хрюкало, кричало, куда-то спешило, спотыкалось, падало и поднималось. Толпа оборванных, голодных, нищих людей продолжала своё движение. Но во всём этом просматривалось главное – чувство самосохранения. Было ещё одно, и, пожалуй, самое важное, что объединяло людей, – это чувство самоуважения и взаимопомощи. Это были мужественные и сильные духом люди, которым нужно было выжить и победить!

Движущаяся толпа людей сосредоточенно бежала километров пятнадцать. Затем она резко свернула влево, и оказалась во рвах. Рвы представляли собой глубокие и естественные укрытия, густо заросшие травой,

кустарником и редкими с широкой кроной деревьями. Это место скрывало беженцев от чужих глаз, и казалось им спасением. Люди растекались по ущелью и ловко прятались кто – где мог. Казалось, что сама природа приготовила эти места для укрытия измученных побегом жителей деревни, и долго ждала их, чтобы защитить и успокоить. Наш конь, подвода, корова и свинья с поросятами, тоже нашли место отдыха и покоя.

Дни сменяли ночи. В сентябре ночи были ещё тёплыми. Мы сидели во рву тихо, чутко прислушиваясь к каждому шороху, к каждому звуку. Однажды мы слышали, как на лугу всё гудело от взрывов, выстрелов и передвижений. Отчётливо были слышны крики, которые потрясали нас до глубины души. Мы понимали, что это идёт наша освободительная Красная армия. Некоторые из взрослых плакали, другие радовались. Все понимали, что наши наступают.

В деревне Исаевка

Во рвах мы просидели неделю. Немцы по доносу нашли нас, выгнали всех из укрытий, и снова продолжили гнать в Германию. Измученные и голодные, проходили мы знакомые деревни, но редко где разрешалось останавливаться.

Пригнали нас в деревню Исаевка. Немцев в деревне было много. Все они были чем-то озабоченные и озлоблённые. Вдруг мы заметили одного из знакомых нам немцев, проживавших в нашем доме в то время, когда в нём располагался немецкий штаб. Это был один из важных офицеров. Он нас тоже увидел. Осторожно подошёл к моему отцу и сказал ему: «Пан, вы добрый человек. Я вас уважаю. Вся ваша семья хорошо ко мне относилась. И я хочу помочь вам! Убегайте как можно скорее! Найдите такой момент, чтобы вас не заметили, и убегайте! Скоро... очень скоро вас всех бом-бом. На Германию вас не повезут». Я слышала их разговор. Много из него мне было не понятно. Но отец мой тогда понял всё! Этот немец соврать не мог.

И снова немцы продолжали гнать нас как скот. Мелькали населённые пункты. Останавливаться не разрешали. Мы были под неусыпным вниманием и контролем немцев надсмотрщиков. Их количество становилось всё больше и больше.

Мы видели, что уже горят деревни. Понимали, что немцы оставляют их, а чтобы добро не досталось русской армии, уничтожают всё, что только можно. Они поджигали стога сена, посева зерна, дома, деревни. Было очень страшно!

Я берегла тайну, подслушанного мной разговора немца с моим отцом, и мучительно думала о том, что сбежать нам при такой охране просто невозможно. По-

смастривая на отца, удивлялась его спокойствию и выдержке.

Побег из Телеговки

Дело шло к ночи. Пригнали нас в небольшую деревню Телеговка. От усталости люди едва держались на ногах. Немцы приказали старосте деревни освободить самые большие дома, потребовали, чтобы нам, как беженцам, было выделено всё необходимое для отдыха. Местные жители повиновались, и вскоре у конвоируемых людей было то, о чём они могли только мечтать. Такое отношение немцев к беженцам очень насторожило отца. Он не забывал советы знакомого нам немца.

Нашу семью и ещё несколько семей поселили в совершенно новый и просторный дом, выстроенный перед самой войной. Это был очень большой дом, но новосёлы не успели в него переселиться, так как началась война. Поэтому жить они остались в старом доме.

Разбросанные по разным домам и углам люди, измученные долгой и тяжёлой дорогой, бессонницей, голодом и промозглой сентябрьской погодой, быстро уснули в тепле и покое.

Поздно вечером немцы были сильно взволнованы. Они не спали, бегали, осуществляли какую-то непонятную для нас деятельность. К нам в дом ворвался один из

них, и начал на ломаном русском языке выяснять, сколько лет «панынке», указывая на меня пальцем. Мама обманула его. Она сказала, что мне всего девять лет.

Происшествие, с уточнением немцами возраста детей, сильно разволновало родителей. У односельчан они узнали, что такой опрос немцы учинили у всех, кто имел дочерей – подростков. Нужно было спешить, так как немцы могли отобрать у родителей их детей.

Этой ночью наша семья не спала. Мы понимали, что знакомый немец сказал правду.

Отец позвал всех нас к себе поближе, тихо и твёрдо сказал, чтобы мы легли отдыхать. Во второй половине ночи наша семья должна уйти из деревни Телеговка. Предупредил, что если кто-нибудь из нас проявит непослушание или неосторожность, и немцы нас увидят, поймут наши намерения, – то мы все погибнем. Отец был участником двух последних русских войн, и знал цену каждому слову.

Мы были готовы к побегу. Сердца каждого из нас стучали в ночи так сильно, что порой казалось, – немцы могут услышать их биение.

Мы легли спать. Не каждому из нас удалось уснуть в эту ночь. Мы напряжённо ждали знак, когда нам следует выходить из дома.

Вскоре мы слышали скрип входной двери и шёпот двух мужчин. Это был мой отец и дядя, наш родственник, который вместе со своей большой, многодетной

семьёй решил бежать вместе с нами. Отец заблаговременно предупредил его о побеге. Было решено бежать вместе. Но, кроме нас, с Божьей помощью, собрались бежать ещё пять семей! У каждой семьи была лошадь с повозкой, малые дети и девочки – подростки.

Мы вышли в ночь. Зарево огня на горизонте! Было светло как днём! Горели дальние и ближние деревни!

Немцы не спали. Они бегали как сумасшедшие взад и вперёд, отдавая друг другу какие – то распоряжения и команды. Воспользовавшись суматохой немцев и отсутствием их бдительности, нам удалось спокойно проехать по задкам деревенских домов.

Потом мы бежали в ночи по болоту. Под ногами всё двигалось, перемещалось, но ни одна повозка, с Божьей помощью, не утонула. Все остались живы... Мы долго перемещались по густо заросшему кустарнику, который рвал до крови наши худые тела и одежды. Выскочили на поле, затем бежали лугом... Спотыкались и падали, разбивались до крови, но не чувствовали боли. Поднимались и снова бежали. Откуда брались силы?! Это был ад... Но мы ещё были живы.

Ночь взрывало зарево огней на горизонте! Мы пугались света. Останавливались и замирали. Лишённые защиты от фашистской погони и случайностей на открытой местности, мы все бежали... бежали и молились, кто как мог. Спасала нас вера в Господа Бога нашего, да молитвы ко Пресвятой Богородице!

Все наши животные, бежали рядом с нами. Трудно понять до сих пор, почему эти божьи твари не оставляли нас ни днём ни в ночи. Их молчание и сопение рядом помогали нам в жестокой борьбе за выживание.

В лесу

Пройдя с людьми, животными и повозками глубоко в лес, мы остановились. Понимали, что погони уже не будет. Теперь нужно было организовать свою жизнь так, чтобы мы были защищены от холода и голода.

Нашим спасением стал, благословенный Богом, лес! Он нас кормил, лечил, защищал от дурного глаза, учил преодолевать трудности.

Оставалось только не выдать себя! Костры разводить было нельзя. По наличию дыма, огня и запаха, нас сразу могли обнаружить. Мы были деревенскими жителями, и понимали, что таким образом мы сможем продержаться недели две, не больше. Потом начнутся ночные и утренние заморозки. Тогда нужно будет что-то предпринимать.

Отец сказал, что нужно всем научиться правильно маскироваться. Через несколько часов лагерь беженцев было не узнать. Замаскированы были не только люди, но и животные.

Живое детское восприятие оставило во мне глубокий след не только трагических событий, но и счастливых, лирических воспоминаний.

Помню впечатления, как наша корова, замаскированная травой и лапами елей, тихо блуждает между деревьями, поедая чистую и сочную зелень... Вот её тайком выгуливают на защищённой лесом лужайке.

...Вечер в лесу. Мама, присев на пенёк, доит нашу бурёнку. Сколько жизней ты спасла, бурёночка наша! Тёплое молочко давали сначала детям, потом больным, реже молочко доставалось взрослым.

Люди ели ягоды, травы, грибы, доедали свои скромные запасы, взятые в дорогу. Скучная пища позволяла нам держаться на ногах. Верили, что скоро всё изменится, наступит освобождение!

Здесь же ходит наша свинья со своими поросятами. Она с удовольствием рвёт зубами какие-то коренья и поедает их. Большой зелёный пучок травы красуется у неё на голове. Спина свиньи ловко замаскирована мягкими ветками кустов. Двенадцать маленьких поросят тоже получают свой паёк тёплого парного молока. Они пристраиваются возле мамы, смешно подпрыгивая и мешая друг другу, фыркают и чавкают, с пристрастием наблюдая, как струйки молочка брызгают в подойник. Эта идиллия запомнилась мне на всю жизнь! Люди в лесу жили впроголодь, но ни у кого из них не возникло даже мысли предложить съесть крохотных живых соз-

даний! Какого же качества были эти простые, измученные войной люди!

Ночевали мы на ворохе веток и сухой соломы, в наскоро приготовленных шалашах, тщательно замаскированных. Трудно сейчас сказать, сколько дней и ночей мы просидели в лесу, но наступило время, когда, несмотря на все наши одежды и укрытия, как-то рано утром мы увидели изморозь, которая начинала подтаивать под нами.

Отец сказал, что скоро могут начаться заморозки, и нужно быстро решать, как действовать дальше. После мужского совещания представителей разных семей, было решено направить разведчиков. Их задачей было отойти от нашего лагеря, не замеченными врагом, как можно дальше и понять, что делается в округе.

Разведчики вернулись с хорошей вестью. Они слышали русскую речь. Немцев в ближайших деревнях уже не было видно. Появилась надежда, что можно возвращаться домой!

Дорога домой

Отец знал, как добраться лесом до деревни Алешенка. Осторожность, считал он, никогда не помешает. Его дед и отец были помещиками, потомственными владельцами лесных угодий. Видимо поэтому Андрей Никоно-

рович хорошо знал и понимал лес, чувствовал себя в нём как дома. Беженцы присоединились к мнению отца. Начался наш долгий и не простой путь домой.

Была уже осень, и мы находили в лесу много съедобных грибов. Собирали их. Варили на костре грибную похлёбку. Это давало силы, и мы продвигались дальше. Задерживаться нам было опасно.

Лес, густо заросший растительностью, был не проезжим. Передвигаться становилось всё сложнее. Двигались медленно, а ехать нужно было ещё далеко.

Редко пересекали пустые дороги. На одной из них нашли подкрепление, – булку ржаного хлеба. Видимо немцы потеряли, когда убегали к себе в Германию. Не думали мы тогда, что булка хлеба может быть отравленная. Разделили хлеб на всех по кусочку и съели с великим удовольствием!

Двигались осторожно, по тем же дорогам, что и раньше, но в обратном направлении. Проезжали деревню Телеговка. Не поверили своим глазам.

Деревня была сожжена дотла! Торчали только обгорелые пни деревьев, да тлели и дымились сожжённые дома и постройки. Печи торчали, как фантастические животные чёрного цвета. На улицах мы видели сгоревших людей и животных. По коже шли «мурашки». Так вот, что ожидало нас в ту трагическую ночь, когда мы бежали из деревни Телеговка! Не в Германию нас готовили немцы, а к уничтожению! И те, несчастные люди,

которые в изнеможении уснули ночью в деревне Телеговка, в этой жизни уже никогда не проснулись.

Когда до деревни Алешенки оставалось километров двадцать, мы увидели вдалеке поле, а за ним трассу. Это была одна из крупных в то время дорожных магистралей. Теперь мы видели «как на ладони» все, что происходило на трассе.

Победители

Мы вышли из лесу на поле, которое отделяло нас от большой дороги, и были потрясены тем, что представилось нашему зрению!

Как на большом экране просматривалось передвижение нашего фронта. Мы видели, что по трассе едут разные орудия: пулемёты, «катюши», «ванюши», самоходки, машины с солдатами и полевыми кухнями. Впереди идут сапёры и проверяют миноискателями состояние дороги, нет ли на ней мин.

Это не передать, что с нами произошло! Радости нашей не было конца! Мы кричали им что-то, махали руками, прыгали от восторга, спешили по полю навстречу освободителям.

Когда они нас заметили, то стали махать нам большим белым флагом. Это был знак, запрещающий дви-

жение. Мы поняли, что должны остановиться и ждать. Всё поле было заминировано.

Мы ждали недолго. Сапёры шли нам на встречу, освобождая путь для нашего проезда на трассу.

Когда наши повозки, люди, а за ними корова, свинья и двенадцать поросят прошли поле, и вышли на дорогу, где стоял фронт победителей, случилось невероятное! Солдаты бросились к нам! Мы бежали к ним и плакали от радости! Были жаркие объятия, обрывки слов благодарности. Душили слёзы счастья!

Слёзы радости и счастья затрудняли и моё дыхание, ведь где-то здесь, а может быть рядом, на другом фронте, вот точно также идут по дорогам войны и мои три брата – победителя: Иван, Григорий и Алексей!

Я видела, как наши солдатики брали на руки маленьких поросят, смеялись, обнимали их, целовали прямо в розовые пяточки! Они их целуют, а поросятки только «кряхают» от удовольствия. Кричат солдаты нам, и свиноматке: «Надо же! Такое семя для жизни сохранили! Спасибо вам, родные вы наши! Мы же, кроме войны, ничего подобного годами не видели! Видели мы только «пыль да туман»... А вы нам такой подарок сделали! Из-под врага оставили поросятка. Это же, как в сказке!».

И смеются солдаты, радуются, зацеловывают поросячьих малышей! Свинья важничает, смотрит на всё человеческим, умным взглядом. Не препятствует празд-

нику. Всем солдатикам, кто хотел подержать поросенок, разрешает обниматься с ними.

Потом ещё хлеще, ещё веселее! Откуда ни возьмись, прибежал фотокорреспондент. Всех нас вместе с животными фотографирует, особенно свинью с поросятами. Обещал корреспондент написать заметку в газету о нашей встрече с армией освободителей! Домой мы возвращались в их сопровождении!

Прошло уже больше 75 лет, а я не могу забыть всего, что нам суждено было пережить. Помню всё до мелочей. Невозможно это забыть!

Пусть помнят об этой страшной войне наши дети и внуки! Пусть не забывают о нашей жизни. Вся жизнь была в больших трудностях: война, разруха, поднимали всё из руин, строили заново.

Мы выстояли и сохранили Вам жизнь в самых тяжёлых испытаниях. Помните об этом! Не забывайте, что теперь уже Мы с надеждой и гордостью смотрим на Вас! Мы верим, что Вы нас не подведёте! Пусть Ваша память будет крепкой, а мысли будут светлыми!

Любите Россию, – она у нас одна! В ней сосредоточено всё лучшее, что есть в нас! Любите нашу Родину, как любили её мы!

1944 – 1945 годы

Чудесное спасение

Алексей плыл по широкой, могучей реке Германии. Это была чужая река, но сегодня она стала для него единственной дорогой на Берлин! Он понимал – другой дороги нет. Нужно собрать все силы, всё мужество, – и преодолеть этот адский путь! Нужно было доплыть до противоположного берега. Там уже должны быть свои...

Сознание было спутанным. Вспоминалось детство. Плавал он всегда лучше всех. Вот и сейчас, как в детстве, на зеркальной поверхности реки он был уже один... Только что не выдержал утомления его адъютант. Он был последним, кто ещё боролся за жизнь. Но жизненные силы его иссякли. Захлёбываясь, он просил прощения у капитана, которого оставлял навсегда: «Прости, Алексей Андреевич! Больше нет сил...я ухожу!»...

На поверхности воды всё расширялись водяные круги от ушедшего друга, и странные звуки заполняли пустое пространство.

Как они здесь оказались?! Они победоносно шли на Берлин. Боролись за каждую пядь земли. Немцы отступали. Но позже ситуация внезапно изменилась. Они попали в западню, и вынуждены были отступить. Впереди река... Другого пути нет. Командир дал приказ: «Плыть всем на противоположный берег! Там свои! Оружие

держат при себе!» В воду заходили прямо в обмундировании, с боеприпасами, оружием, не снимая, изношенные войной и выдавшие виды, сапоги! Все вместе поплыли по реке, а немцы начали «поливали» их огненным дождём.

Алексей плыл медленно. Немцы уже не стреляли, а пульсовая волна взрывала его мозг: «Никого из моих сослуживцев больше нет! Они отстали от меня навсегда. Кто-то из них даже не умел плавать, и, посылая последнюю молитву в небо, смиренно уходил в чужие воды». Алексей закрывал от усталости и душевной боли глаза. Так было легче...

Видения приходили к нему яркие, светлые и торжественные! Вот деревенская детвора мчится за ним по деревенской пыльной улице, ведущей к Десне. Мальчишки и девчонки бегут на реку, чтобы посмотреть, как плавает Алексей. Впереди, как всегда, его младшая карглазая сестрица Галочка. Она такая славная, преданная! В ней есть что-то сильное и красивое, что выделяет её среди сверстников. Хохочет счастливое, босоногое, предвоенное детство! Нет в нём ничего другого, кроме радости!

Специально замедляю бег, хитрю. Жду, когда детвора домчит поближе. Прыгаю с высокого песчаного берега... Визжат деревенские мальчишки и девчонки от восторга, от полноты жизни и счастья! Я набираю в лёгкие воздух и медленно погружаюсь в воду. Плыву

под водой долго. Думаю о том, что мне очень повезло. У меня точно есть дополнительное лёгкое! Об этом говорила мне моя бабушка: «Ты, внучик, в шапочке родился! Другие в сорочке, а ты в шапочке. Это значит, что ты по жизни счастливым будешь!». Ну как тут не поверишь своей родной бабушке – повитухе, если она принимала роды у всех деревенских рожениц?! Первый человек, который взял и меня на свои «белы рученьки»!

Выныриваю тихо, за защищенным от глаза мысом, там, где меня дети видеть не могут... А детвора-то сидит смирно, сосредоточенно, и испуганно смотрит на поверхность Десны! Вдруг кто-то из них видит меня первым. И снова визг, крики, хохот и радость!

...Очнулся Алексей от увиденной сказки детства. Понял, что он тонет! Намокшие сапоги с портянками бы сбросить, да сил уже не хватает бороться с тяжестью. Всё отяжелело в одночасье: и наган с кобурой, и папка с важными документами, и обмундирование до последней пуговицы. Всё превратились в груз, который больше не поднять Алексею. Ему не было страшно, но так не хотелось умирать!

Вспомнилась матушка, Огарпина Стефановна, её молитвы за трёх своих сыновей, что все годы великих испытаний провели на фронтах Великой Отечественной Войны, воевали с фашистами... С молитвой ко Пресвятой Богородице и ко своей матери, Огарпине Стефановне, начал Алексей захлёбываться и тонуть...

Алексей рассказывал: «Медленно погружаюсь в глубину вод. В рот уже вода мне плескается. Уже не сопротивляюсь. Долгожданный берег близко, да не дотянуть мне до него.. Вдруг чувствую, что я стою на какой-то опоре! Будто кто-то мне свои ладони под сапоги подложил! Стою я на этой опоре и Богу молюсь! Боюсь пошевелиться, чтобы снова не провалиться в бездну. Долго я так стоял, отдыхал, сил набирался. Потом чувствую, что восстановился, что силы вернулись! Поверил в себя, что теперь-то я доплыву до берега». Сделал шаг в воде, а там уже... нет опоры!

Выбрался Алексей из воды на берег, и упал без сознания. Подобрали его наши солдаты. Отправили его в госпиталь. Удивлялись, как это человек сумел переплыть такую большую, холодную и чужую реку, да еще с оружием и в полном обмундировании!?

Чего только не выдерживает русский человек! Не иначе, как Бог помогает! Так вот и осталась в нашей семье эта история, именуемая как чудесное спасение моего брата Алексея!

*Фото из музея партизанской славы
посёлка Белая Берёзка*

Соль земли

По заброшенным снегом шпалам железнодорожного полотна, быстрым и размашистым шагом, спешила девочка. Шагала она уверенно, целеустремленно. В некоторых местах бесконечной вереницы шпал девочка стремительно их перешагивала, в других ловко перепрыгивала. Во всей ее фигуре было что-то сильное и мужественное.

В руках девочки были пустые санки, которые следовали каждому ее движению. Санки то подпрыгивали, то шли неровно, то скатывались с небольших сугробов, пытаясь занять место впереди ребенка.

В своем постоянном движении девочка прошла уже километров двадцать пять. Было видно, что идти ей еще долго. Она знала, что сумерки в лесу ранние, а сознание, что скоро придет темнота, ускоряло ее шаг. Сильный голод не останавливал ребёнка. За время Великой Отечественной Войны никто из детей войны не знал, что значит быть сытым.

На вид это была высокая, худая, крепкого телосложения девочка неопределенного возраста. На самом же деле ей было всего тринадцать лет, и выглядела она года на два старше своих сверстников. Три года своей не долгой жизни она прожила вместе с родителями под немецко-фашистской оккупацией. В сентябре 1943 года, когда Брянщину освободили от немецких захватчиков, то война по всем фронтам ещё продолжалась, и жить по деревням было тяжело и голодно.

Девочка вышла из деревни Алешенка Трубчевского района рано утром. Долго шла по заснеженному лугу. Искала поселок Белая Берёзка и железнодорожные пути, о которых ей рассказывала мама.

Поселок был разрушен почти полностью, но она догадалась, что это и есть Белая Берёзка. Впереди себя она увидела ветку железнодорожных путей, спрятав-

шуюся в глухих Брянских лесах. Она спешила. Теперь главное успеть, чтобы до темноты придти на станцию Новенькое.

Уже смеркалось. Сопровождавший её с двух сторон лес темнел, и казалось, что с каждой минутой он приближается к рельсам. Снегу было много, и порой она глубоко проваливалась в сугробы и ямки. Но останавливаться было нельзя. С утра она ничего не ела. Мучил голод, но силы ее не покидали, и она сгоряча бежала вперед. Ноги истерлись, болели. При каждом порыве ветра под куцый, старый полушубок задувало. Было холодно.

Девочка бежала и думала о своих трех братьях, которые еще воевали на полях Великой Отечественной Войны, гнали фашистскую нечисть с благословенной Богом земли русской! Это давало ей силы, двигало и вдохновляло ее. В Брянском лесу больше нет фашистов. Наши их выгнали. И теперь ничего не страшно. А так как Брянских жителей в шутку звали «брянскими волками», то никаких зверей она не боялась. Родители учили своих детей: в глухих Брянских лесах не бойся зверя, а человека остерегайся.

Она думала о деревенской печке. Как хорошо было бы прижаться к её теплой стене и посидеть так немного, согреться! В Алешенке у нее остались мама, сестра Мария, которая была старше её на пять лет, а также крепкая и красивая невестка Марфа со своими двумя малолетними детьми, Марией и Виктором.

Но мама, Огарпина Стефановна, почему-то выбрала её! Она сказала: «За солью пойдешь ты, Галя! Больше никому. Только иди от Белой Березки до станции Новенькое по шпалам. Другой дороги нет. На станцию Новенькое приедет с фронта невестка Аня. Ты ее встретишь. Она везет нам соль. Встретишь её, и вместе с ней придете в Алешенку».

Соли у нас не было уже несколько лет. Без соли еда казалась противной и не вкусной, поэтому я радовалась, что смогу ее добыть.

Пробежала мимо станции Скрипкино. Видела слева пилораму, на которой несколько мужчин в военной форме пилили лес. Освобожденные от фашистов населенные пункты начинали отстраиваться заново. Для строительства «кровь из носа» нужны были заготовки леса. Распил дерева здесь не прекращался ни на минуту! Один из сердобольных военных поинтересовался, куда я спешу. Когда узнал, что на Новенькое, то пытался убедить меня не идти туда. «Дочка, посмотри по сторонам. Уже ночь! На Новеньком все разбито, а идти тебе ещё километров двенадцать! Даже остановиться тебе будет негде. Замерзнешь! Пропадешь!». Подошли ещё люди. Убеждали дожждаться до утра. «Утро вечера хитрее. Отдохнешь. Сил наберешься. А утром с Белой Березки на Новенькое будет ехать паровоз с вагонами. Он здесь останавливается. Заберёт тебя, и ты как раз успе-

ешь встретить свою родственницу», – убеждали они настойчиво, понимая, что ребенок в ночи рискует жизнью.

Ночной лес принадлежит хищным животным, число которых за время войны значительно увеличилось. Но разве могла я нарушить обещание, данное матери?! Мама сказала нужно идти на станцию Новенькое...и я пошла.

Густые сумерки окутали лес. Шпалы были едва различимы. Слева от железнодорожного пути я заметила несколько старых вагончиков. Ни в одном из них не было света. Ни одной живой души рядом. Спрашивать не у кого. Останавливаться нельзя. Нужно было бежать дальше.

Спустя несколько минут я увидела группу утомленных от тяжелой работы людей. Это были рабочие, которые восстанавливали железнодорожные пути. Они неторопливо шли мне навстречу и переговаривались друг с другом. Сердце моё дрогнуло! Я услышала голос своей деревенской родственницы Ольги, завербовавшейся на работу в поселок: «Гляньте-ка, так это ж Галя Горелова! Куда ето тябе понясло, песся твоё мясо!». Моей радости не было конца!

Оказалось, что станция Новенькое – это те старые вагончики, которые я прошла мимо... Что было бы сомной, не повстречай я этих замечательных людей, великих и простых послевоенных тружеников, возвращающихся по шпалам на отдых в волшебные, как мне каза-

лось тогда, вагончики. А какой дорогой ценой мне досталась эта добыча соли, – я понимаю только сейчас! Позже мои друзья мне скажут: «Наверное мама тебя не жалела, коль отправила тебя, ребенка, одну в такую дорогу!». Эти слова ещё долго будут больно ранить меня.

На станцию Новенькое я возвращалась вместе с рабочими. Ольга зажгла засаленный фитиль лампадки, и вагончик озарился ярким светом. Дрова потрескивали в небольшой металлической печурке, а чайник с водой из разогретого снега пылал и пыхтел. Было жарко и весело.

Счастью не было конца! Ольга дала мне большую чашку жидких щей, оставшихся со вчерашнего дня и кусок хлеба! Я согрелась, забралась на вторую полку вагончика и крепко уснула.

Утром рано приехала на перекладных невестка Аня. Мешок соли, который она привезла, мы погрузили на санки. Санки стали тяжелыми. К нам подошла попутчица Ани, которой нужно было добраться до деревни Сагутьево, что в пяти километрах от нас. Она просила взять её с собой. Мы не отказали. Место в санках нашли и для ее поклажи с солью!

Передвигаться стало сложнее. Санки, гружённые двумя мешками соли, приходилось тащить уже не по шпалам. Проторенной дороги возле железнодорожного полотна не было.

Все обозримое пространство было занесено снегом и сугробами. В дебрях глухих и заснеженных Брянских

лесов, нам приходилось прокладывать свой, невероятно тяжёлый путь.

Две женщины и тринадцатилетняя девочка поочередно тянули тяжеленные санки с солью. Они часто сбивались с прямого маршрута в Алешенку. Порой им казалось, что они заблудились и снова возвращаются на прежние места.

Вечерело. Весь день шёл снег, и это ещё больше затрудняло передвижение. Голод начинал давать о себе знать. У нас с Аней не было в запасе ни крошки еды! Силы покидали. Но Божий промысел воссиял!

Попутчица, мешок соли которой мы тянули вместе со своим, остановилась. Она долго развязывала озябшими руками свою нехитрую котомку, и достала из неё по одному сухарику хлеба каждому. Мы не ожидали такого подарка и благодарили ее! Никогда еще сухой кусочек хлеба не казался мне таким вкусным и сытным! Подкрепившись, мы уже веселее шли до своего конечного пункта.

Было уже темно. Мы подходили к Сагутьеву, когда наша попутчица вдруг жалобно сказала: «Может уже и нет в живых моих родителей!?...Я ведь ничего о них не знаю. Прошло три года... Да и сохранился ли наш дом?» – и глаза её тревожно увлажнились. Волнение передалось и нам...

Но чудо случилось! Женщина издалека увидела в окнах своего горячо любимого родительского дома

дрожащий, слабый свет от фитиля. «Живые, живые они!» – шептала она обессиленная, и утирала свои глаза сбившимся краем головного платочка. Возбужденная и счастливая она начала настойчиво приглашать нас переночевать, а утром продолжить наш путь. Рассказывала, как будут рады её родители принять нас всех на ночлег. Но понимая наше желание идти дальше, попутчица поклонилась нам в пояс.

Она благодарила нас за то, что мы не бросили её на станции Новенькое, а положили её соль в сани, которые стали вдвойне тяжелее, и тащили их безропотно и мужественно. Она тихо шептала слова: «Я буду молиться за Вас, и за весь Ваш род всю свою жизнь! Дай Бог всем Вам здоровья». Она ушла домой, а сани стали сразу намного легче. Теперь мы уже не шли, а летели!

Еще несколько километров и наши санки въехали в деревню. Вот и родительский дом. Отворили тяжелую деревянную дверь. Вошли. Мама, Огарпина Стефановна, окаменевшая и молчаливая, сидевшая неподвижно без сна уже вторые сутки, вдруг протянула мне навстречу свои точеные, красивые руки, и из её прекрасных глаз посыпались слёзы. «Ты моя соль земли», – говорила тихо и с любовью мама, обнимая меня и покрывая поцелуями моё лицо и голову.

Начальная школа моей мамы

Моя мама окончила четыре класса начальной школы в деревне Алешенка. Она была способной девочкой. Отличалась от других детей тем, что рисовала лучше всех. Грамоте научилась быстро, и писала красивым каллиграфическим подчерком. К учёбе у нее было особое прилежание и усидчивость. Галя отличалась сильным и красивым голосом. Она любила петь. Среди детей была заводилой и организатором ярких, необычных историй и походов. Её смекалке и предприимчивости могли позавидовать даже взрослые. Во всём проявлялся талант, работоспособность, умение самостоятельно принимать решения. И родители радовались, что сумеют своей младшей дочери дать достойное образование.

Но Великая Отечественная Война изменила планы не только взрослых, но и детей войны. На протяжении нескольких лет жизни наш многострадальный народ учился, в основном, только двум вещам: выживать и побеждать.

Война закончилась, и в школе открылись классы. Маме исполнилось пятнадцать лет. Она вернулась в школу с большим желанием учиться. После большого перерыва, длиною в пять лет, мама снова села за школьную парту, мечтая ходить в школу и учиться новым знаниям.

Рядом с высокой девочкой подростком сидели маленькие и худые от хронического недоедания, причиненного войной, первоклашки. Дети войны были дружны, помогали друг другу на уроках, имели большое желание учиться. Своими занятиями в школе все очень дорожили.

Мама была самая старшая девочка в классе, но послевоенные дети были добры к ней и относились с любовью. Однако, не долго училась моя мама в школе! Причина была в том, что природа подарила Галине те качества, которые были так нужны именно в послевоенное время: молодость, крепкое здоровье, силу, выносливость, трудолюбие, доброе сердце и заботу о ближних.

В её семье в то время были все слабые, малые и больные. Мама Галины, Гарпина Стефановна, в то голодное время «пухла от голода». Она лежала в постели и от слабости не могла подняться. У неё были отеки всего тела от дефицита белка в организме. Белковое голодание привело к тяжелым обменным расстройствам. Но что могла знать об этом Галя? Она жалела маму, и очень боялась её потерять. Галине приходилось не только тяжело работать наравне со взрослыми, но и каждый день думать, как накормить семью. А семья была большая.

Однажды на одном из очередных уроков в школе мысли Гали упорно возвращались только к одной проблеме: где добыть гнилую или перемороженную кар-

тошку? Как накормить семью? Как помочь маме? Это погружение было настолько глубоким, что девочка не слышала учителя, который уже несколько раз задавал один и тот же вопрос по теме, которая обсуждалась всем классом. «Горелова Галя! В последний раз спрашиваю, о чём ты думаешь?» – услышала, наконец, измученная житейскими невзгодами девочка. Она встала. Дети с любопытством смотрели на нее. Она услышала вопрос, но ответить на него ей было сложно. Учитель настойчиво требовала ответа: «Галя! Ты будешь отвечать? О чем ты всё думаешь?». Тихо и медленно Галя отвечала: «Я думаю, где мне накопать гнилой картошки». Детям стало весело, и все засмеялись. Учитель все поняла и отпустила Галю с уроков.

Больше мама в школу не пошла. Семье нужно было выживать. Позже она завербовалась разнорабочей в поселок Белая Берёзка. Разбирала руины уничтоженных немцами зданий, убирала мусор и осколки войны, приняла участие в строительстве Селецкого деревообрабатывающего комбината.

Спасительная картошка

В сентябре 1943 года нашу деревню освободили от немецко-фашистской оккупации. Наконец мы дождались этого благословенного дня! Однако на всех фрон-

тах ещё продолжались кровопролитные сражения нашей доблестной армии. Воевали и мои три старших брата. Продолжали гнать фашистов.

Жить было тяжело. Везде послевоенная разруха. Голод свирепствовал. Моя мама, Огарпина Стефановна, лежала на печи уже несколько дней с отёками всего тела. «Почему мама не встаёт? Все лежит и лежит, как булка располнела...» – думала тринадцатилетняя девочка, глядя на маму, и, не понимая происходящего, немного сердилась. Мой папа, Андрей Никонорович, тяжело болел. Сказывались старые раны первой мировой войны.

В нашей семье было семеро ртов и всех нужно было накормить. Зимой я удачно ходила за солью на станцию Новенькое, и пища теперь могла быть вкуснее, но ее просто не было.

Отступая, немцы неожиданно погнали нас в Германию. Наши небольшие запасы съестного мы успели спрятать возле своего дома в четырёх ямках. Спустя несколько дней, ночью нам удалось сбежать от немецко-фашистского конвоя. Вернувшись в деревню, мы обнаружили, что запасов уже нет. Оставшиеся в деревне односельчане, успели разворошить и растащить их.

Спасением было, если в чужих заброшенных закромах мы находили перемороженный с тяжелым запахом гнили картофель. Так в один из теплых дней, когда на улице уже подтаивал снег, мы с подругой под дерев-

ней Витемля нашли несколько заброшенных буртов лежалого картофеля. Нашей радости не было конца!

Картофель пролежал два года, и превратился в некое сырое и дурно пахнувшее месиво. Здесь мы были не одни. За гнилой картошкой пришло много людей, которые уже стояли в очередь. Картофель прятали во всё, в чем можно было его нести: в карманы; за пазуху; в подол; в платки, из которых делали котомки; тащили на самодельных санях, сделанных из лозы.

Мы с моей подругой Полиной пришли с мешками. Самый большой мешок был у меня. Мне хотелось унести спасительной картошки как можно больше. Набрав половину мешка, я с трудом его сдвинула. Тяжесть была несусветная! «Как мы тянули мешки,- рассказывает моя мама, – это не передать! Гнилой и перемороженный картофель быстро оттаивал, и ручьи грязной липкой воды текли по нашим телам. Подруга моя была намного слабее меня, часто падала со своей ношей, порой не могла подняться, но картофель не оставляла. Бог дал ей весёлый нрав. Она лежала рядом с неподъёмным мешком и смеялась над собой. Крепкая и сильная, я легко поднимала её, и мы, голодные и счастливые, тащили мешки с картофелем дальше».

Дети войны, рано ставшие ответственными и мужественными подростками, знали, что несут в свои семьи жизнь. Будет сегодня еда в семьях, – это значит будет жизнь!

Пройдет ещё немного лет и эти девочки – подростки станут молодыми женщинами. На их плечи послевоенное Отечество возложит будущее России! И они справятся! Дети – войны станут надежной опорой страны в борьбе с разрухой, в борьбе за её лучшую жизнь и развитие! И наша память никогда не предаст забвению их страдания и непоколебимую веру в то, что все вместе мы справимся с любой бедой, и Родину нашу святую врагам не сдадим!

Щука

Гнилая картофель заканчивалась, и наступал еще один день голода. Снова день начинался с вопроса, где взять еду? Мама уже не вставала. Ее могла спасти только сытная и полезная для организма еда. Мужчин в семье не было. Папа, Андрей Никонорович, умер от старых ран в октябре 1943 года, вскоре после освобождения Брянщины от оккупации фашистов. Трое моих братьев всё еще воевали на разных фронтах, добывая нам свободную, сытую и достойную жизнь.

Набросив на себя старую, тесную и уже не по возрасту одежду, я выбежала из дома. Русская пословица «волка ноги кормят», – вела меня на берег реки Десны.

Весенний луг весело зеленел. Было еще прохладно, но солнце светило ярко и временами припекало. Этой

весной, как никогда, выросло много щавеля и лугового чеснока! Люди на лугу собирали весенние дары природы. Движения их были медленными и напоминали мне русские неторопливые хороводы. «Наверное, это оттого, что все они голодные, – думала я.

Полюбовавшись яркими красками хоровода на лугу, пришла на берег реки Десны. Мне было интересно наблюдать за тем, как мужики глушат рыбу в реке. Это новое занятие, оставшегося мужского населения в деревне, появилось совсем недавно. С тех пор, как Брянщина была освобождена от немецко-фашистской оккупации, взрослые и подростки начали собирать снаряды, тол, взрывчатые вещества и другие боеприпасы. Они пилили их на части, чтобы использовать в качестве взрывчатки для рыбного промысла. Это было небезопасно. Часто при распиле боеприпасов они взрывались в руках, унося жизни взрослых и детей. Таких случаев было много, но голод людей не останавливал. Напротив, это стало для них уже привычной работой. После того, как взрывы прекращались, оглушенную рыбу забирали у берега, к которому её прибывало быстрое течение Десны.

За три года оккупации наших территорий фашистами, никому из нас и в голову не приходило рыбачить. И только после освобождения Брянщины, оставшиеся в семьях мужчины, спасали своих домашних от голода таким варварским и незаконным способом до-

бычи рыбы. А рыбы в реке Десне тогда было очень много!

«Как жаль, что в нашей семье этим промыслом никто заниматься не умеет», – думала Галя, с грустью вспоминая своего недавно ушедшего из жизни папу. Как ей его не хватает именно сейчас! Какой он был добрый! Может и мама так тяжело хворает, что папы больше нет. С завистью смотрела я на рыбный промысел своих земляков, и мечтала о рыбке! «Если бы рыбку поймать, сварить её, да накормить маму, вот тогда она обязательно поднимется и снова станет здоровой!» – мечтала Галя.

Мечты сбываются! Это известно всем. И нет сомнений, что Бог, услышал девочку! Проходя по берегу реки Десны и погруженная в мечты о ловле рыбки, она услышала сильный шум возле склоненной над поверхностью реки ивы. Дерево окунуло в воду свои густые зеленые ветви. В них билось что-то большое и сильное, пытаюсь выбраться из западни. Что произошло дальше, расскажет моя мама...

Сердце мое сильно забилося! Догадаться было не сложно! Это была оглушенная взрывчаткой рыба, и запутавшаяся в ветвях дерева, сильно наклоненного к воде. По той силе, с которой она билась, пытаюсь освободиться, можно было судить, что это была очень большая рыба. Недолго думая, я бросилась в воду. Возле берега было глубоко. Я вцепилась в ветви ивы. Едва на-

щупав дно реки, начала медленно переступать навстречу своей добыче. Наконец – то я её увидела! Передо мной, блестя на солнце крупной чешуёй, вращалась огромных размеров щука. Было страшно, но азарт охватил меня. Щука, почувствовав опасность, стала вести себя ещё более активно. Успокаивало только одно, что это была оглушенная и наглотавшаяся воздуха рыба, а это означало, что я должна с ней справиться! Никогда в жизни я не видела больше такую большую щуку. Она была с меня ростом! А когда открывала пасть, то на неё страшно было смотреть.

Я вспомнила, что рассказывал мне отец. Щука страшный хищник. Она своими зубами может перекусить человеку руку. Поэтому в борьбе с нею нужно успеть схватить щуку за жабры, и так держать её пока не вытащишь на берег.

Наша борьба со щукой началась! Щука не поддавалась. Несколько раз вырывалась. Моя кожа была сильно расцарапана. Текла кровь. Но я не замечала этого. Изловчившись, удачно схватила её за жабры и вытащила на берег. За происходящим наблюдала Алиса, наша соседка. «Ой, Галечка, давай пополам рыбу поделим! Зачем тебе такая большая рыба! – запричитала Алиса. «Не могу... Дома меня ждёт тяжело больная мама. Ей нужна рыба!», – сказала я твёрдо.

Семья встречала меня, как настоящего победителя! Щука эта спасла нам всем жизнь! Целую неделю мы ели

досыта уху и мясо рыбы. У мамы прошли голодные отёки, и она поднялась с постели. Все члены семьи поздоровели и благодарили меня и маму: «Вот тебе, Стефановна, и младшенькая твоя! Что бы мы без неё делали! Сам Бог нам послал такую девочку в семью! Спасительница она наша!».

Совесть

I

Была ранняя весна 1944 года.

Ещё шла Великая Отечественная Война, но Брянщина уже несколько месяцев назад была освобождена от фашистской оккупации. Зима бесповоротно ушла, и после кровопролитных сражений за свободу, наступила первая весна.

Природа робко просыпалась от войны. Пахотные поля требовали к себе особого внимания. Землю нужно было готовить к посевной. По деревням не было ни коней, ни быков. Пахать было некому и не на чем... Люди начали копать землю в ручную.

Колхозные поля копали «всем миром». Земля превратилась за время войны в настоящую целину. За четыре года войны она так заросла растительностью, что многое приходилось выкорчёвывать, вскапывать и ло-

патами, и кирками. Подготавливали поля для посева проса, жита, овса, гречихи, пшеницы, картофеля.

Весь труд тогда был только ручной. Истощённые голодом люди знали, что засеять землю необходимо. Ещё шла война, и нужно было кормить Красную армию наших освободителей. «Где-то и мои три братика воюют, может тоже голодают... Но им там ещё тяжелее!» – думала озабоченно Галя. Она знала, что работать сейчас нужно не жалея сил, много и добросовестно. Тогда обязательно придёт долгожданная победа над ненавистными фашистами, вернутся в семью её дорогие и любимые братья-герои Иван, Григорий и Алексей.

Для проведения посевной, в разрушенную послевоенную деревню Алешенка из Трубчевска прислали председателя. Требования председателя, который единолично руководил людьми и организацией труда к посевной, были строгими и жёсткими. На работу нужно было приходиться всей семьёй рано утром. Освобождались от работы, и могли оставаться дома только маленькие дети, старики и больные люди.

В нашей семье выходили на работу: мама – Огарпина Стефановна, моя старшая сестра Мария, невестка Настя – жена моего брата Ивана. Брала она с собой и меня, тринадцатилетнюю девочку, широкую в кости и выносливую, выглядевшую года на два старше своих сверстников.

II

Тяжело нам жилось после освобождения от немецко-фашистской оккупации. Мы были всегда голодными. За четыре года нечеловеческого страха и постоянного недоедания, наступило истощение всех наших физических ресурсов.

За время войны заготовки дров были сожжены. Уничтожены крыши сараев, подсобных помещений. Всё ушло на сохранение тепла в доме, да на приготовление скудной еды в печи.

В лес мирным жителям немцы ходить запрещали. Боялись фашисты наших связей с партизанами. Нередко за такие походы в лес немцы убивали мирных жителей. Так троих мужчин из нашей деревни, после сбора в лесу дров и хвороста, немцы заставили копать ямы для собственных могил. Это были отец с сыном и их сосед. Девушку восемнадцати лет, которая вместе с ними собирала дрова, немцы отпустили, но беснуясь и падая от хохота, стреляли ей в спину с криками «Беги! Беги!». Для них это была весёлая игра, забава! Девушка спаслась, но стала очевидцем, как после вырытых тремя мужчинами могил, немцы безжалостно их расстреляли, и бросили тела в ямы.

Несчастливая, приползла домой едва живая, а эта бесчеловечная история стала достоянием односельчан. С тех пор в лес за хворостом и дровами никто из нас старался не ходить.

III

Люди впервые начали ходить в лес и собирать драгоценные дрова и хворост только после освобождения мирных жителей от фашистского ига. Однако в лесу для населения существовала ещё одна смертельная опасность, о которой они могли не знать. Фашисты, покидая оккупированные земли, успевали их заминировать.

В это время погибло много наших односельчан. Наступая на мины, которые плохо просматривались на земле и в траве, они взрывались. Люди оставались калеками на всю жизнь или погибали на месте.

В один из таких дней, когда в нашем доме не было «ни дровиночки», чтобы протопить печь и приготовить для всей семьи скудную еду, – мама послала меня в лес за хворостом. Мама сказала: «Галя, обязательно принеси хворост! Топить печь уже нечем. Мы будем всей семьёй копать поле, а тебя заберём на работу после обеда».

Было утро. Все дружно ушли на работу. Я взяла в руки тяжёлый отцовский топор и отправилась с ним за хворостом. Дорога была не близкая, но я быстро её преодолела. Нарубила и наломала столько хворосту, сколько могла донести.

Возвращаюсь домой. Вдруг вижу, передо мной взвился конь, а верхом на коне наш председатель. Закричал он резко, отрывисто: «Почему ты не на работе? Кто за тебя копать будет?» Я ему отвечаю: «Все взрос-

лые нашей семьи уже копают, а меня послали за хворостом. Топить печь больше нечем! Еду уже не на чем готовить...».

В руках председателя появился резиновый кнут-плётка. Он взмахнул им над моей головой, и начал меня беспощадно сечь по плечам, голове, ногам. Я бросила от боли хворост и топор, присела на корточки, пряча голову от жестоких побоев. Было очень больно... Я плакала, звала на помощь. Закрывая лицо от побоев, кричала, что приду работать на поле после обеда вместе с семьёй.

Председателя ничто не останавливало. Он метался вокруг меня и долго бил меня плёткой. Казалось, что этому не будет конца. Захлёбываясь слезами, дрожа от боли и ужаса, внезапно обрушившегося на меня гнева председателя, я находилась в беспамятстве и, казалось, потеряла дар речи.

Удовлетворив свои дикие потребности варвара, герой над ребёнком умчался.

Очнувшись, я с большим трудом подняла тяжёлый топор, взвалила на свои больные плечи, собранный мной, хворост. Медленно побрела домой. Идти нужно было километров семь. Болело всё тело. Страдала душа...

Домой вернулась к обеду, когда все домашние пришли с общественных работ на поле. Не скрывая слёз, всё рассказала матери. Мама посмотрела на моё

тело, и мы заплакали уже обе. «Немцы не били. Давали еду нам. Кормили нас. А это «свой», – сволочь! Что наделал!» – говорила и плакала мама.

IV

В это время трое моих братьев: Иван Андреевич, Григорий Андреевич и Алексей Андреевич, – ещё сражались на разных фронтах за Великую Победу нашего Отечества.

Минский фронт стоял где – то недалеко от нашей деревни. На тот момент мой младший брат, капитан и профессиональный военный Алексей Андреевич, вместе со своей фронтовой супругой Аней служили в одной из военных частей Минского гарнизона. За боевые заслуги перед Отечеством молодую пару военных отпускают на семь дней навестить своих родителей.

На попутках, используя своё служебное положение, они уже спустя сутки добрались до родных мест. В планах Алексея было: забрать больного отца, Андрея Никоноровича, с собой. Алексей был осведомлён, что отцу требуется срочная операция, много раз предлагал ему приехать в госпиталь. У отца была грыжа, которая его сильно мучила и часто угрожала его жизни. Алексей уже договорился об операции, но отец к нему не ехал.

Продолжение этой истории было счастливым и волнительным, но развязку имело самую неожиданную.

V

Андрей Никонорович долго сомневался, ехать ему или нет на операцию в такую даль. Но в один из сильнейших приступов, – ехать к сыну решился. Спустя некоторое время мы собрали отца, и отвезли его до станции Суземка, откуда ходил поезд до Минска. Там уже была недалеко и военная часть, где служили его сын и невестка.

Так случилось, что отец прибыл в военную часть в то время, когда Алексей с Аней уже выехали в Алешенку навестить родителей. Встреча не состоялась. Родные люди разминулись друг с другом.

Андрея Никоноровича радушно встретили в военной части товарищи Алексея и Ани. Накормили. Предложили отдохнуть и подождать до тех пор, пока его дети не вернутся обратно в часть.

Отец не стал ждать долгих семь дней! Поблагодарив друзей сына и администрацию военной части, решил возвращаться в деревню незамедлительно. Его снабдили продуктами питания на дорогу, дали попутку до станции.

Отцу понадобилось два дня, чтобы вернуться домой. Со слезами радости на глазах состоялась встреча сына с отцом. Будучи военным по своей основной профессии, Алексей шёл от одной войны к другой. Это была уже его третья война подряд. Одиннадцать лет он не видел родителей. Не знал ещё спокойного семейного

счастья. До возвращения в свою часть Алексею оставалось всего три дня.

Болезнь отца волновала сейчас Алексея больше всего на свете, и он не терял надежды забрать отца с собой в госпиталь. Но Андрей Никонорович сказал сыну твёрдо: «Спасибо, сынок, за заботу! Госпиталь дело хорошее, но возвращаться обратно, делать операцию, – я не буду. Ехал к тебе в часть только для того, чтобы увидеть тебя. Увиделись – и я счастливый человек! Теперь буду жить столько, сколько Бог даст!».

Осенью папы не стало.

VI

Событие, когда меня высек председатель, совпало с отъездом папы в военную часть к моему брату Алексею.

Мужчин в семье не было. Отец в дороге, а трое моих братьев были ещё на фронте, освобождали родную землю от фашистской неволи. Так что жаловаться мне было некому.

Но когда спустя два дня в деревню прибыли Алексей с Аней, в семье стало веселее и радостнее. Нашу жизнь с мамой омрачало лишь событие, которое мы тщательно скрывали.

Шло время, побои давали о себе знать. Внутри у меня всё горело от чувства несправедливости и унижения. Вот мы с мамой и решили рассказать нашим за-

щитникам историю, как председатель посёк меня кнутом. Только ждали для этого подходящий момент.

Было это так... В один из дней пребывания Алексея на непродолжительной побывке у родителей, моя гордость, мой младший брат, спросил у нашей мамы: «Мама, как к Вам относились немцы во время оккупации?». Мама отвечала: «Сыночек, немцы нас не обижали, даже кормили. Хлеб давали. Другую еду тоже давали, когда она оставалась у них на кухне. Было видно, что жалели они нас, мирное население. А вот председатель нашей деревни, присланный восстанавливать разрушенное войной и поддерживать нас, плёткой сильно посёк твою младшую сестру Галю только за то, что она собрала в лесу немного хвороста, когда дома было уже нечем топить печь... Вот придёт Галя с работы, Вы с Аней сами убедитесь, что не зря я об этом рассказываю».

Вернулась я домой с общественных работ, а мой брат Алексей уже с порога говорит мне: «Ну, сестричка, моя дорогая и самая маленькая, покажи-ка мне, как тебя обидел наш деревенский защитник-председатель!». Я стеснялась, отказывалась показывать ему свои раны. Тогда мама подошла ко мне, подняла платице и говорит: «Смотри, сыночек!». На плечах, ногах, а также по всему телу были кроваво-синие удары от плётки. Трудно передать, что произошло с Алексеем, когда он смотрел на результаты избиения ребёнка. Он вздрогнул, сильно побледнел и закричал: «И это сделал «свой»,

русский!!! В то время, когда мы воюем, защищаем свои семьи!»).

Друзей у брата Алексея было много, некоторые из них находились тут же. Он выскочил к ним во двор. «Друзья мои, отведите меня к этому гаду, к председателю!» – кричал мой потрясённый брат.

Пришли они группой друзей в полуразрушенное здание конторы, где находился председатель. Друзья Алексея показали ему «героя»- председателя, который «воюет» с детьми Великой Отечественной Войны. Алексей Андреевич Горелов, награждённый в трёх последних войнах за мужество и отвагу, мой любимый братик и защитник, моя гордость на всю жизнь, подошёл к председателю в военной форме капитана с орденами на груди, схватил его за шиворот, приподнял, и хотел, как рассказывают очевидцы, пристрелить его. Но друзья не позволили это сделать, удержали!

Тогда Алексей ему сказал: «Негодяй, немцы за три года оккупации не тронули мою сестру, не убили, а ты её посёк, напугал, унизил! Тебя надо бы убить, сволочь!»).

Все последующие дни до отъезда в свою часть Алексей сильно страдал оттого, что меня так обидел и напугал председатель.

*Алексей и Аня на несколько дней приехали с фронта
на побывку к родителям в деревню Алешенка.*

VII

Позже, когда Алексей с Аней уехали в свою часть добивать фашистов, к нашей матери как-то подошёл этот горе-председатель. «Я же не знал, Стефановна, что у тебя такие защитники, такие герои в семье!», – начал он оправдываться. А мама ему ответила: «А если не кому уже защищать, так беззащитных детей бить можно? И за что ты бить этих беззащитных собрался?!».

Больше нечего было сказать председателю. Он молчал и думал... Было видно, что совесть его мучила! Видимо всё, что в каждом из нас остаётся лучшего, – это наша совесть! И вот сейчас она одна плакала и страдала.

БЫК РЫЖИК

Прошёл один год после окончания Великой Отечественной Войны и освобождения Отечества от фашистских оккупантов...

Брянщина! Родина моя малая! Алешенка моя любимая! Сколько же ты выстрадала за эти пять страшных лет унижения и уничтожения наших людей! Голод. Разруха. Слезы наворачиваются, когда вспоминаешь, как мы жили.

...После войны по деревням лошадей не было. Пахали мы на людях. Выбирался ведущий, наиболее сильный и здоровый человек. Впереди ведущего станови-

лось пять человек. Этим людей запрягали так, как положено запрягать лошадь. Привязывали к ним борону. Ведущий держал борону в руках.

Нужно полагать, что не все дети знают, что такое борона. Это металлическая, широкая, очень тяжёлая балка с перпендикулярными к ней острыми шипами. При надавливании на этот тяжёлый металлический брус шипы с трудом уходят в землю. Ведущий направляет в нужном направлении «лошадок», и они изо всех сил тянут эту махину, пытаясь хоть не на много продвинуть борону вперёд. Нужно было прикладывать большую физическую силу, чтобы запускать борону в землю, как можно глубже. Земля не обрабатывалась пять лет и была очень тяжёлая. Когда подготовка заканчивалась, ведущий кричал: «Поехали!», – и «лошади» трогались. Верхний слой земли немного приподнимался. Но каких трудов это стоило!

Всем тогда было тяжело. Но другого пути не было. Сама я часто пахала на людях. Они сами меня об этом просили. Бог дал мне большую физическую силу и выдержку. Была я худая и высокая. В свои четырнадцать лет выглядела года на два старше. Ловко управляла и «лошадками» и тяжелой бороной, которую сдвинуть-то не каждый мог! Люди благодарили меня за труды и хвалили за смекалку и силу.

...Пришёл следующий год посевной. Лошадей в деревне всё также ещё не было, но появились бычки.

Теперь мы запрягали их. И пахали мы на быках, и скородили на них, родимых.

В нашей деревне было организовано шесть рабочих бригад молодёжи. Работали много и тяжело, но было радостно и весело! Ощущение, что мы свободные люди, делало нас хозяевами жизни. Это был наш выбор! Знали мы, ради чего работали! Никто не ныл, не жаловался.

На заброшенной ранее конюшне появился первый послевоенный конюх. Лошадей в деревне ещё не было, но мы мечтали о них, верили, что скоро лошадки появятся в нашей конюшне, а пока берегли каждого новорожденного бычка! Все бригады выращивали бычков, заботились о них как могли. Они быстро вырастали и превращались в надёжных помощников. Это отличная рабочая сила! Скоро в наших шести бригадах было около десяти бычков. Все они имели разный характер, свой нрав, и своё собственное имя.

Бык животное сильное, выносливое. Но если он переутомился, упал, то бычка уже не поднять никакими силами. Запомнился мне бык Рыжик на всю жизнь!

Впереди скорая весна! Руководство совхоза обеспокоено, как провести посевную. Зерно, которое с прошлого, послевоенного года удалось вырастить, хранилось на складах под деревней Бородёнка, что в 30 километрах от нашей деревни. Драгоценное зерно со всей округи берегли как зеницу ока!

Впереди посевная. Пришло время забирать зерно со склада. Председатель нашего совхоза срочно собирает собрание и даёт рабочим бригадам задание: «Быть завтра на конюшне рано утром по одному человеку от каждой бригады! Нужно будет ехать на быках на Бородёнку за зерном. Получите зерно и привезёте в деревню. Быков беречь!».

От нашей бригады для этой работы определили меня. Да вот незадача – проспала! Подхватила утром, смотрю, а уже светает. Покушать мне не удалось, не до этого было. Поняла, что быть мне последней при раздаче быков! Так оно и получилось.

Голодной и взволнованной прибежала я на конюшню, а конюх мне сочувствует: «Эх, Галя, что же ты наделала! Остался один Рыжик, лентяй! Других быков нет. Всех хороших быков уже разобрали. Придётся тебе на нём «телепаться» 30 километров до Бородёнки и столько же обратно. Не знаю, доедешь ли ты на нём обратно?! Довезёшь ли на нём зерно?».

Получила я из рук конюха быка Рыжика. Запрягла его в телегу. Поехали. Едем потихоньку. Впереди слышу смех, гиканье, веселье! Это молодые парни и девушки хохочут! Едут они на своих резвых быках радостные. Стегают быков, чтобы те быстрее бежали. Быки мчатся как оглоушенные, тянут и телегу и молодёжь. А мой Рыжик едва плетётся. И еду я самая последняя. По-

смеиваются надо мной ребята да девчата. Спасибо, что не зло посмеиваются, а так по глупости.

Как в сказке, долго ли коротко ли ехали мы с Рыжиком, как вдруг увидели, что впереди нас идёт пожилая женщина и тащит за собой гружёные саночки. Видимо издалека идёт, еле ноги переставляет. Поравнявшись со мной, она говорит: «Деточка, помоги мне, пожалуйста. Привяжи к своей телеге мои саночки! А я рядышком за телегой пойду. Отдохнуть мне немного надо, дочка. Не дойду я так до своей деревни». Остановились мы с Рыжиком. Спрыгнула я с подводы. Привязала её саночки к телеге. Едва уговорила женщину сесть на моё место. Идём с Рыжиком рядышком, слушаем рассказы чьей-то матушки. И такая благодать на душе, так радостно!

Вот уже и деревня нашей попутчицы. Помогла я ей сойти с телеги. Отцепила её саночки. Начали прощаться. Благодарит она меня со слезами на глазах. «Подожди, деточка, – говорит она мне и пытается развязать сильно затянутые на котомке узлы.- Хочу угостить тебя! Ведь никто из той молодёжи, что на быках, не помог мне. Просила я их. Отказали. А ты такая добрая! Дай Бог тебе здоровья и всей твоей семье!». И она вытащила из своей сумки большой и толстый «драник», а сверху на нём были крошечки настоящего свиного сала. «Возьми, дочка! Ехать тебе еще далеко. Вижу, что голодная ты! Бери и покушай прямо сейчас!», – сказала

она и протянула мне в руки еду, о которой можно было только мечтать. Я отказывалась, не брала «драник». Но женщина, без лишних разговоров, положила мне на сенце в телегу драгоценный для голодного подростка «драник», поклонилась и ушла. Не успела она отойти несколько шагов, как я схватила эту спасительную еду в обе руки, поднесла её к своему лицу и буквально проглотила «драник», ощутив аромат вкусной картошки на маслице и сладкие кусочки сала, вкроплённые внутрь «драника». Через несколько минут уже не было ни женщины, ни «драника». Никогда в своей жизни я больше не ела такой вкусной еды!

Доехала я на своём Рыжике до Бородёнки. Вижу, мои напарники из других бригад, уже нагруженные мешками зерна, выезжают из склада. Смеются надо мной, подшучивают. Я тоже в обиду себя не даю, бойко им отвечаю.

Последней из нашего отряда загрузила я на телегу положенные мне три больших мешка зерна, и отправилась в обратный путь. «Рыжик, – говорю я ему. – Не останавливайся. Хочешь, я буду рядом с тобой идти? Тебе легче будет». Смешной и неуклюжий Рыжик посмотрел мне прямо в глаза. «Всё понимает!» – подумалось мне. Тащим мы с ним поклажу медленно, не торопясь.

И вдруг видим такую картину! То налево, то направо лежат быки моих товарищей на земле. И что же? Мои товарищи уже не веселы. Бьют несчастных живот-

ных, толкают их, зверски кричат на них, а обессиленные быки лежат на земле и уже не могут подняться. Проезжая мимо них вспомнился мне наказ моего папы: «Никогда не загоняй быка! Упадёт – не поднимешь!». Жалко мне стало и быков и ребят наших, а помочь нечем. Уже темнело.

Ночью прибыли мы с Рыжиком в нашу деревенскую конюшню первыми. «Ну и Галя! Какая же ты, молодчина! – кричит конюх. – Я весь переволновался. День жду – никого нет! Ночь наступает – никого нет! Какая же ты надёжная! Вот и урок для всех бригад – «бережёного Бог бережёт»! И зерно привезла! И первая приехала! И быка – лентяя сохранила! Вот повезло же Стефановне, матушке твоей! Такую славную дочку вырастила!».

Как я радовалась, что получила высокую оценку за свою работу! Забыли мы за время войны, что такое похвала. Что я ответила нашему конюху? «Да это всё бык Рыжик! Он умный. Ехал и всё шептал мне на ушко: «Поторапливайся, Галя, не спеша! Вот поэтому мы с ним и приехали первыми!» – и я потрепала Рыжика по рыжей шерсти. Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. Мне показалось, что он улыбнулся и даже смутился. Вдруг Рыжик неожиданно и доверчиво уткнулся своей весёлой мордой в рукав моей старой телогрейки и замер... Вот так мы с Рыжиком стали друзьями!

Правнучка Евочка

Евочка поедет на Радоницу к прабабушке Гале на машине! Её прабабушка Галя живёт на Брянщине в посёлке партизанской славы Белая Берёзка.

Она гордится своей прабабушкой Галочкой, которая так правдиво и интересно рассказывает о своей жизни во время Великой Отечественной Войны, что даже плакать хочется. Ева жалеет свою прабабушку, и очень её любит!

Ева уже знает, что такое Родительский день! Его нужно проводить всей семьёй, молиться за усопших и обязательно посещать места их упокоения. «Хорошо, что мы поедem на Радоницу вместе с прабабушкой Галей! – думает Евочка.

На Брянщину Евочка взяла с собой маму Варю и свою бабушку Нину! Папу Костю решили оставить работать и заботиться о кошках. «Конечно, это несправедливо!» – размышляет Ева. Она точно знает, что папа с удовольствием поехал бы с ними. Но что поделаешь, если у них в Москве такое большое хозяйство: кошка Луна, кот Йорик, и ещё... эта папина работа!

Они выехали с мамой из Москвы на машине рано утром! Вначале приехали в аэропорт Внуково, чтобы забрать бабушку Нину... Вот и самолёт из Челябинска

приземлился! Бабушка Нина вышла к ним в шляпке и с сумочкой на колёсиках. Бабушка счастлива! Евочка с мамой тоже счастливы!

Долго на перроне обниматься нельзя, так как машины подъезжают каждую секунду. Бабушка Нина быстро устраивается на переднем сиденье машины, и мы мчимся к любименькой прабабушке на Брянщину!

Улыбка-солнышко

Путешествие по Брянщине продолжается. Наступил тёплый майский день Радоницы. Мы едем на машине в деревню Алешенку вчетвером: прабабушка Галя, бабушка Нина, её младшая дочь Варюша, и наша всеобщая любимица Евочка, доченька Варюши.

В машине Ева сидит на заднем сиденье в детском кресле. Она уже давно сама пристёгивает и фиксирует кресло правильно и самостоятельно. Самостоятельность ей очень нравится!

Ева считает себя взрослой девочкой. Кто бы сомневался?! Во-первых, ей 6 лет! Во – вторых, этой осенью она пойдёт в первый класс общеобразовательной школы.

Её самые дорогие и любимые подружки, Каталя и Ясенька, тоже пойдут в первый класс. Подружки мечтают учиться в одном классе. А мечты, как известно, сбываются!

Ева рассуждает о своих планах: «Самое главное – у меня очень много вопросов! Их так много, что просто спать нет времени! Поэтому днём я не сплю вообще. Вот попробуйте меня уложить спать днём!? Не получится! Даже родители мои это поняли, и не укладывают меня спать днём с раннего детства... А вопросов у меня так много, что даже вечером трудно угомониться!».

Прабабушка Галя, сидит в машине в пассажирском кресле рядом с водителем. Варюша уверенно и красиво управляет машиной и рассказывает своей бабушке Гале о достижениях Евы в шахматных турах.

У прабабушки Гали свои требования к знаниям. Она поворачивает голову в сторону заднего сиденья, где сидит Ева, смотрит на неё своим добрым взглядом и говорит строго: «Ева, ты девочка вумная! Я это знаю! Читай мне стишки, которые я учила в довоенное и военное время! Таких стишков уже никто не знает. Ну, начинай!».

Евочка ответственная девочка! Думает о том, что она может надеяться сейчас только на свою память! Вот бабушке Нине хорошо... она, как ни посмотришь, всё пишет да записывает. А Ева должна помнить всё наизусть!?

«Хорошо, моя любименькая, прабабушка Галочка! – спокойно говорит Евочка, и начинает читать:

*« Я родился в день дождливый,
Под сосною молодой,*

*Круглый, гладенький, красивый,
С толстой ножкой и прямой!».*

Видно, что прабабушка Галя довольна своей правнучкой, но... не спешит давать положительную оценку. Она говорит Еве: «Етот стишок ты выучила у прошлом году! А у етом году я тебе другой рассказывала? Вспоминай!».

Ева становится ещё более серьёзной и сосредоточенной:

*«Я катался на коньках,
Разгорелись вушки,
Рукавицы на руках,
Шапка на макушке!».*

Ну, наконец-то, строгая пробабушка Галя радуется и принимает у правнучки экзамен: «Молодец! У тебя очень хорошо получилось! Я тобой удовлетворена!». Вся семья знает, что волшебное слово «удовлетворена» от пробабушки Гали, означает оценку «отлично».

Евочка начинает медленно расплывается в улыбке, и неожиданно появляется беззубая «улыбка-солнышко»! Несколько дней назад у неё выпали передние молочные зубы, и теперь она всех нас согревает радостной, и похожей на нарисованное солнышко, улыбкой!

Мы с Варей в полный голос смеёмся от солнечной улыбки Евочки и чрезвычайно серьёзного подхода к

вечным и самым надёжным тренингам прабабушки Га-ли. Совсем недавно и мы их проходили!

Прабабушка Галя – моя всегда молодая мама и ба-бушка моей дочери Варвары! Смотрим мы на Анну Ан-дреевну, маму, бабушку и прабабушку в одном лице, – и любим ее. А она больше не выдерживает строго-сти, и мы от всей души хохочем втроём! Нам хорошо и весело!

Самая тёплая, самая нужная «улыбка – солнышко» Евочки с нами! Четыре поколения женщин нашей семьи вместе! Мы все счастливы, деятельны, сохранны и благо-дарны Господу Богу нашему за его чудеса и благодать!

Раненая церковь

До настоящих дней в деревне Алешенка Брянской области стоит живой памятник истории нашего Народа – православная церковь Михаила Архангела, раненая Великой Отечественной Войной.

Церковь Михаила Архангела построена между 1820 и 1879 годами. Она стоит на краю села, на самом высоком и красивейшем холме! Когда преодолеешь крутой подъём, посмотришь вдаль, то начинаешь, слов-но птица, парить над многострадальной землёй Брян-щины... Просторы завораживают! Мысли как жёстко

натянутые струны. И не поймёшь, отчего так больно... Что происходит?

После Великой Отечественной Войны рядом с храмом, был установлен Обелиск Памяти в честь погибших в боях воинов, героически защищавших от фашистов деревню Алешенка. Их прах покоится здесь, на Брянской земле, и напоминает всем живущим о том, как быстротечна жизнь, какой ценой завоёвана наша свобода. В этом святом месте всё призывает будущие поколения, с Божьей помощью, достойно распорядиться своей жизнью.

С высокой песчаной платформы видна вся деревня! Подъём в гору такой крутой и продолжительный, что требует сил и крепкого здоровья. Но тот, кто преодолел подъём, остановился перед церковью Михаила Архангела и Обелиском павшим за свободу Отечества солдатам, – тот уже множество раз поклонился святыням!

Справа от храма находится деревенское кладбище, спрятавшееся в густой зелени зарослей так, что его не сразу найдёшь. Кладбище словно катится с горы, защищая церковь и Обелиск воинам Великой Отечественной войны, и ещё то, что можно рассмотреть, когда всматриваешься пристально...

Здесь покоится и прах родителей моей мамы: моего дедушки Андрея Никоноровича и бабушки Огарпины Стефановны. Мама с большим трепетом приезжает сюда каждый год. Кто-нибудь из нас всегда рядом с ней.

Родительский день, Радоница – это святой день для моей мамы. Она находит могилы своих родителей, близких и дорогих ей людей, рассказывает нам о их жизни и тех испытаниях, которые все они пережили... Плачет мама редко. И это оттого, что они всегда с ней! Память у мамы живая! Только глаза порой увлажняются.

Смотрит моя мама на стены храма и говорит: «Церковь наша, дети, вся в ранах! Сначала она пострадала от коммунистов, а потом от фашистов! Расстреливали немцы православный храм также легко, как стреляли в человека! Церковь защищалась сама как могла. Закрывала она своим телом русских солдат, обескровленных от ран и спрятавшихся в храме. Раненая церковь, в которой нет живого места ...».

Храм стоит на автодороге Трубчевск – Витемля, принадлежит Клинцовской епархии, Трубчевскому благочинию, и имеет ныне особый статус: «не действующая церковь».

Церковь Михаила Архангела, служившая землякам «верой и правдой» более 150 лет, до сих пор достойно хранит свою историю, и ждёт то благословенное время, когда благодарные поколения залечат её раны!

*Храм Михаила Архангела. Деревня Алешенка,
Трубчевский район, Брянская область*

Рушник

До сих пор моя мамочка хранит родовой «оберег» – рушник, расшитый своей мамой. С раннего детства я помню, как бережно она его достаёт из своего шифоньера, разглаживает каждую складочку рушника, долго всматривается в мамочкины петельки, в каждый крестик орнамента, расшитый красной нитью.

В давние-давние времена люди верили, что есть богиня Берегиня. На узорных вышивках славянских народов, в изображениях художников появлялась женщина в широкой юбке колоколом с поднятыми руками, переходящими в изображение птиц и ветвей деревьев. Это был символ жизни, святости и чистоты!

Мамочка улыбается своей волшебной улыбкой и говорит нам: «Рушник – это символ защиты и плодородия, он несёт в дом счастье и гармонию. Красный цвет на Руси всегда считался красивым! Пока я жива, – пусть рушник будет со мной! А потом Вы, мои дети, будите его хранить! Затем наступит очередь хранить наш рушник моей дорогой правнучке, Евочке! Вот так, по женской линии нашего рода, пусть он и передаётся! Это наш «оберег» от порчи, худого глаза, от завистников, болезней и врагов. Берегите рушник и защищайте его!».

С болью в сердце вспоминает мама один очень важный эпизод своей жизни во время Великой Отечественной Войны.

Эта история относится к повествованию не однозначной и не простой жизни селян во время немецкой оккупации. События требуют изложения в том виде, в каком их воспринимали те, кто каждую минуту жизни находился под игом захватчиков, в тоже время жил надеждой на освобождение Красной армией, и верил в высший христианский промысел!

Мама рассказывает: «Обирали нас не только немцы, но и свои. И было это так... Вот приходят в наш дом немцы.. Забирают всё, что им понравилось. Ведут немцы себя, как в собственном доме, не церемонятся.

Проходит ещё немного времени, и уже партизаны выгоняют немцев из Алешенки. Нам бы радоваться надо, да сил на радость уже не хватает! Да и как радоваться, если партизаны часто забирали у нас последнее? Хранилища для овощей опустошали. Дочиста выгребали закрома с картофелем. Никто из них не думал, как будет выживать население деревни в такое тяжёлое время.

А население оккупированных территорий отдавало партизанам последнее, что у них было, молча, смиренно, безропотно. Односельчане понимали, что партизанам в лесу во стократ тяжелее, чем им по деревням! Поэтому жили они так: Бог дал, Бог и взял. Значит так надо!

Партизаны были разные! Были среди них и жалостливые, которые оставляли небольшие крохи наших запасов. Мы это понимали, и радовались, что партизаны

не ожесточились за годы войны, не забыли о тяготах мирного населения.

Но среди партизан были и равнодушные, ожесточившиеся! Так в один из дней, когда партизаны «выбили» на непродолжительное время немцев из деревни Алешенка, в наш дом забежал такой партизан – молодец! В руках у него был крепкий и объёмистый полотняный мешок. Он деловито начал работать. Сгрёб в мешок всё наше постельное бельё, тёплую одежду.

Мой отец, Андрей Никонорович, в это время был болен, слаб, лихорадил и лежал в постели. Мы одели его в тёплый костюм, красивую жилетку и штаны, подаренные сыном Алексеем ещё до войны. Любил отец всё красивое, и мы верили, что такой тёплый и дорогой для души наряд поможет ему поправиться быстрее! Рядом с кроватью больного отца стояли новые хромовые сапоги, также подарок и память о сыне. Сын Алексей был профессиональным военным и очень заботливым человеком. Часто он баловал своих родителей и сестёр необычными, красивыми подарками. Привозил своим сестрёнкам Марии и Галочке яркие, с дивными цветами разноцветные платки. Мамочке нашей шали дарил, кофточки из тонкой шерсти, скатерти заморские. Ни у кого из деревенских жителей не было такой красоты! Гордились мы своим братом, радовались!

Вот подходит к кровати нашего больного отца этот партизан – молодчик и говорит отцу: «Сымай, батя, те-

логреечку и штаны тёплые. Тебе это уже не понадобится, а мне в лесу пригодится!». Снял отец с себя все тёплые вещи, подаренные сыном, и отдал ему со словами: «Носи на здоровье! Пусть и моим сыночкам тепло будет!». Мало показалось молодчику! Прихватил он и хромовые сапоги отца... Забросил добычу в свой полотнятый мешок, и не уходит из дома, негодяй! Ходит по хате из угла в угол хозяином, радуется. Долго он так ходил, да всё выискивал нужные ему вещицы, сбрасывал их в свой бездонный мешок!

Вдруг взгляд его лукавый останавливается на иконе «Божьей матери», обрамлённой длинным белым рушником, вышитым красной нитью руками моей матери. Праздничный, редкой красоты рисунок на рушнике!

Смотрит, бычья морда, на красный кут, намоленный материнскими слезами. Кроме рушника ничего не видит его глухая душа. Говорит он моей маме: «Снимай, матка, рушник, а то сам сниму! Мне в лесу пригодится!». Со слезами на глазах мама сняла рушник с иконы «Божьей матери», и протянула ему бережно на двух своих белых рученьках!

Что со мной случилось тогда? Не могу и сейчас объяснить и передать! Бросилась я, как дикая кошка, навстречу рушнику, вырвала его из рук насильника, пытаюсь спрятать на груди. А он засмеялся, отобрал у меня рушник, оттолкнул, и деловито затолкал рушник в свой мешок. Плачу я, кричу «не своим голосом...

Вот тут-то, с Божьей помощью, и пришла нам подмога! На мой детский крик и вопли, забегают в нашу хату адъютант партизанского отряда Кошеля, товарищ Гусев, под контролем которого проводился подомовой обход селян. Бросаюсь я к нему в ноги, плачу, жалуясь, что отобрали у семьи последнюю ценность, реликвию, Божью хусточку, рушник с красного кута Богоневесты! Показываю пальцем на богохульника с большим полотняным мешком наших вещей, и прошу вернуть рушник.

Строг был и справедлив адъютант Гусев. Сказал он грозно, словно зарычал дикий зверь: «Что ты сделал, гад? Зачем последнее у мирного населения отбираешь? Отдай рушник девочке!». «Нет, не отдам! Это мне на портянки. Видишь, у меня ноги голые!?» – говорит богохульник. Закричал на него адъютант Гусев. Напомнил ради кого они в лесах сидят, и с кем воюют.

Вернули нам, Слава Богу, рушник! Оросила его слезами и поцелуями Огарпина Стефановна, расправила бережно, снова завернула в него икону Божьей Матери. И засветился красный кут Божьим Светом!

И слышно было, как во дворе адъютант Гусев распоряжается не выгребать дочиста наши закрома с картофелем. «Всё для наших людей делайте! Всё ради людей! Сохраняйте их! Им здесь жить! Они голодают! Им ещё тяжелее, чем нам в лесах!», – кричал на взводе адъютант Гусев. Мы слушали его и плакали от этих тёплых, заботливых слов незнакомого нам человека. Мы

верили, что партизаны у нас задержатся надолго! И радость прибывала в наши жилы. Но проходил день, другой... и в деревню снова возвращались немцы. А нам оставалось только снова молились, чтобы пришли русские войска, и освободили нас от ненавистных фашистов».

И висел тот рушник, как главный «оберег» человека от рождения до смерти. Одним концом он устремлялся к Богу, а двумя другими – в матушку сырую землю! И была во всём этом Божья благодать, да радость великая!

Литературно-художественное издание

Нина Калева-Прохоренко

Рассказы моей мамы.

Сборник рассказов

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 17.01.20. Формат 60×84/ 8

Подписано к печати 22.11.2019

Формат 60х84 1/16 Объем 3,2 уч-изд.л.

Заказ № 633. Тираж 500 экз

Отпечатано на ризографе в типографии ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69